

УДК 93/94(09)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920

**КРЫМСКОЕ ХАНСТВО, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И РОССИЙСКОЕ
ГОСУДАРСТВО В 1524–1571 ГГ.: ПОСОЛЬСКАЯ ПЕРЕПИСКА
ИЗ АРХИВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО¹**

К.Ю. Ерусалимский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
kerusalimski@mail.ru*

Цель: провести источниковедческое исследование и подготовить к публикации новонайденную и малоизвестную переписку Великого княжества Литовского с Крымским ханством.

Материалы: списки посольских посланий и миссий из рукописи Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. №2893.

Новизна: предложены и уточнены датировки посольской переписки Великого княжества Литовского с Крымской ордой в 1524–1571 гг. Обнаружены новые данные о походах крымских ханов на Московское государство за тот же период.

Результаты: в рукописи Библиотеки Чарторыйских № 2893 содержится переписка крымско-казанских Гиреев с королями Короны Польской и Великого княжества Литовского в переводе на русский язык («просту мову»). Подборка писем восходит к архиву Радзивиллов и датируется, согласно приведенным в статье аргументам, 1524–1571 гг. К этой переписке примыкает подборка писем из фонда Варшавского Главного архива древних актов, ф. Архив Радзивиллов, отд. 2, № 3294. В статье рассмотрена датировка этих копий и предложено новое понимание их адресантов. Отправителями являются Сахиб-Гирей (королю Сигизмунду I около 1521–1524 гг., за июнь – июль 1530 г., за сентябрь – октябрь 1537 г.), Сафа-Гирей (два послания Сигизмунду I, весна – лето 1524 г.), Амин-Гирей-Салтан (Сигизмунду I за сентябрь – октябрь 1537 г.) и Сигизмунд I Старый (хану Сахиб-Гирею за конец декабря 1537 г. – начало января 1538 г.). Особый комплекс писем в составе кодекса из Библиотеки Чарторыйских представляет не вошедшая в канцелярские посольские книги Великого княжества Литовского деловая корреспонденция хана Девлет-Гирея I с Сигизмундом II Августом в связи с походом крымского войска на Московское государство. В статье предлагается датировка этих материалов и анализ содержащейся в них информации (послание Сигизмунду II около 5 апреля 1571 г. и посольство около 5 июля 1571 г.). В Посольских счетах Королевской Казны Варшавского архива обнаружен список разоренных ханом 27-ми городов Московского государства, составленный с пропагандистской целью, отражающий движение крымского войска к Москве и перечисляющий те города с уездами, которые были разорены после сожжения Москвы 24 мая 1574 г.

Ключевые слова: Крымско-литовская дипломатия, дипломатическая переписка, Московско-Крымские войны, Гирей, Иван Грозный, архив Радзивиллов

Для цитирования: Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920

¹ Исследование и публикация источников осуществлены при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10091).

**CRIMEAN KHANATE, POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH AND
RUSSIAN STATE IN 1524–1571: THE DIPLOMATIC CORRESPONDENCE
FROM THE ARCHIVE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA**

K. Yu. Erusalimskiy

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
kerusalimski@mail.ru*

The manuscript of the Czartoryskis' Library in Krakow № 2893 contains, among other sources, the correspondence of the Crimean-Kazan Gireys with the kings of Polish Crown and Grand Duchy of Lithuania in Ruthenian translation ("prosta mowa"). The collection of letters springs from the Radziwills' archive and can be dated back to 1524–1571 based on the reasons outlined in this article. The manuscript from the Warsaw Main Archive of the Ancient Acts (Radziwills coll., part II, № 3294) contains a part of the same correspondence, which is present in the Czartoryski manuscript № 2893. The author reinterprets the historical context of the Warsaw manuscript. The senders of the letters are Sahib-Giray (to Sigismund I, 1st: ca. 1521–1524, 2nd: June–July 1530, 3rd: September–October 1537), Safa-Giray (two letters to Sigismund I, spring or summer of 1524), Amin-Giray-Saltan (a letter to Sigismund I, September–October 1537) and Poland's King Sigismund I the Old (to Khan Sahib-Giray at end of December 1537 or the beginning of January 1538). The latest-dated part of the Polish-Lithuanian and Crimean-Kazan correspondence in the Czartoryski manuscript contains the materials of Devlet-Giray's diplomatic correspondence with Sigismund II Augustus, which sheds a new light on the Crimean march against the Muscovite state in 1571. These materials are contextualized and studied with respect to the new information they may provide on the history of Russian-Crimean relations (letter to Sigismund II ca. April 5, 1571 and Ardy-Berdey's embassy ca. July 5, 1571). The author found a list of 27 towns devastated by the khan during the war against Moscow recorded in the embassy accounts of the Polish Royal Treasury at the Warsaw Archive. It was composed as a means of propaganda, but it reflects the marching route of the Crimean troops to Moscow and the ravaging of other Russian districts after Moscow had been burned on May 24, 1574.

Keywords: Crimean-Lithuanian diplomacy, diplomatic correspondence, Muscovite-Crimean wars, Gireys, Ivan the Terrible, Radziwills' archive

For citation: Erusalimskiy K. Yu. Crimean Khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth and Russian State in 1524–1571: The Diplomatic Correspondence from the Archive of the Grand Duchy of Lithuania. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920

В Краковской Библиотеке князей Чарторыйских хранится рукопись под названием «Сборник военных и трибунальских актов, относящихся к русским землям 1554–1790 гг.»², представляющая собой конвюлют, в составе которого до нас дошли уникальные источники. Прежде всего – материалы посольских миссий между Крымской и Казанской ордами и Великим княжеством Литовским за время правления Сигизмунда I Старого. Они отражают не только крымско- и казанско-литовские отношения, но также расстановку сил в степ-

² Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie (далее – BCz). № 2893 V. Zbiór akt trybunalskich i wojskowych dotycz. ziem ruskich z lat 1554–1790. 330 s. Далее в тексте статьи принимаем сокращение для данной рукописи – БЧ № 2893. Большую помощь при работе с рукописью мне оказал Г. Лесмайтис, за что выражаю коллеге благодарность.

ных ордах и отношении степных правителей и польско-литовского монарха к Великому княжеству Московскому³. Еще один комплекс крымско-татарской переписки в данной рукописи – рутенский перевод посланий и посольского наказа крымского хана Девлет-Гирея I польскому королю Сигизмунду II Августу⁴. Этот источник сохранил свидетельства хана Крымской орды о подготовке похода его войска против Ивана IV, самом походе и сожжении Москвы в мае 1571 года. Это один из немногих памятников крымско-польской посольской переписки, раскрывающий ряд слабо освещенных особенностей дипломатических отношений между двумя крупными восточноевропейскими государствами. Наконец, и на этом мы также остановимся в данной статье, материалы посольства Девлет-Гирея к королю Сигизмунду освещают интересы Крыма в международной ситуации кануна битвы при Лепанто и показывают степень участия литовской дипломатической службы во внешней политике Польско-Литовского государства, воссоединившегося в 1569 г. в Речь Посполитую.

Обратимся к рукописи, в составе которой обнаружены послания и посольская реляция (наказ) крымского хана польскому королю. Рукопись – кодекс-конвюлт. Переплет (высота – ширина – толщина кодекса по крышкам) 407–245–45 мм из цветного картона и белой кожи на корешке. Корешок первоначально на 6 клеточек (ныне сохранилось 5 верхних). Низ корешка книги оторван. Во второй вклейка 62–57 мм из красной кожи с золотым тиснением и надписью: «Русские трибунальские и войсковые 1554–1790 гг.» (“*Ruskie / trybunalskie / i / wojskowi / 1554–1790*”). В 4-й белая бумажная бирка 15–35 мм с надписью черными чернилами: «2893». Этот же номер на лицевой стороне припереплетного л. [I]₁ в правом верхнем углу с печатным номером отделения «V». В левом верхнем углу оборота верхней крышки белая бумажная бирка 28–41 мм с печатным: “A. BINANT / 5 et 7, Rue de Cléry / A PARIS”. На л. 13 (на первом подшитом деле) штампель Библиотеки Чарторыйских 45–12 мм, прописью: «Из архива князя воеводы Ад.-Е. Чарторыйского» (“*Z archiwum x. w-dy / Ad. J. Czartoryskiego*”). Пагинация в кодексе библиотечная сплошная, охватывает листы, подшитые в начале кодекса (с. 1–11), но не охватывает припереплетных листов. Таким образом, всего в рукописи два защитных листа переплета [I]₁ и [I]₂ и 329 страниц «россыпи» основного блока.

Акты в разное время реконструировались подклейками. Материалы переписки и посольства Девлет-Гирея подшиты после папки-«фасцикула» “A 31 Fasc. 4 Publicznych” и содержат особую нумерацию дел XVI в. кириллицей в левом верхнем углу на первом листе каждого дела: «Первыи» (с. 31), «Другии» (с. 33). Третье дело на с. 35 не пронумеровано. Все дело охватывает 4 л. на с. 31–38. Их отличает единство формата в составе разноформатных листов кодекса: 315–211 мм. На с. 38 номер дела тот же, что и в предыдущей подшивке, сверху вниз по правой стороне страницы от верхнего поля: “Ad № 31. Fasc. 4. Publicznych”. По центру здесь же: «От царя татарского копии

³ BCz. № 2893. S. 19–24. Текст опубликован в приложении к наст. статье. Далее – Приложения I–IV.

⁴ BCz. № 2893. S. 31–36. Текст опубликован в приложении к наст. статье. Далее – Приложения V–VII. Данная подборка материалов упомянута по нашему описанию: [5, с. 639].

писем Королю Августу» (“Od cara tatarskiego / copie listow do Krola Augusta”, на каждой строке почерк особый).

Разделы рукописи на с. 19–36 по времени возникновения бумаги и почеркам представляют собой два несходных комплекса. На листе с номерами страниц 19–20 и 29–30 водяной знак Вепрь (просматриваются 2 уха, 2 усика, сзади 2 кружка, морда вытянутая). Сходный вариант: Лауцявичюс № 3666. – 1535 г.⁵ На с. 27–28 знак Корона под крестом, близкий к: Пиккард № 52690. – 1566 г.; № 52433. – 1572 г. На с. 31–32 знак Jelita ок. 36 мм, близкий к: Лауцявичюс № 1512. – 1581 г. и Синярская-Чаплицкая № 338. – 1571 г.; № 339. – 1571, 1574, 1577, 1578 гг.⁶

На с. 19–36 три почерка, все – рутенская деловая скоропись XVI в.: 1-й – с. 19–24, 2-й – 25–28, 3-й – 31–36. На с. 18 есть обозначение иного шифра, по внутреннему полю: “A. 7 Fasc. 4 Publicznuch”. При этом по центру особым почерком XVI или XVII в. написано в 3 строки (текст перевернут на 180 градусов по отношению к основному тексту): «Копия посольства от Князя Московского к Его Королевской Милости, чтобы сестру воеводы Волосского и митрополита его отпустил в Москву» (“Kopiiia od X Moskiewskie-o poselstw do Je-o Kro- M aby sio/sthry Bohdana woiewody Woloskie-o y mithropolithu / iego do Moskwy wupuscil”). Эти записи относятся к рутенской копии грамоты Ивана Грозного ноября 7085 (1576) г. на с. 15–16 и показывают, что данный раздел современной рукописи первоначально хранился в особой папке. Сразу после материалов «Посольства» особое дело на с. 39–42 – послание Сигизмунда II Августа подчашему, справце Троцкого воеводства, державце василишскому и белицкому Миколаю Радзивиллу 3 февраля 1550 г. – оригинал, хранившийся в особой папке (на с. 42 по верхнему полю, запись на 180 градусов к основному тексту): “№ 10. Fasc. 7 Publicznuch”.

На основе представленного описания можно реконструировать предысторию рукописи. Кодекс Библиотеки Чарторыйских, как уже сказано, представляет собой конволют из разноформатных листов, сшитых «русских» дел под поздним переплетом. Под «русскими» делами понимается подборка текстов, написанных на кириллице. Очевидно, как и многие другие рукописи-сборники из собрания князей Чарторыйских, данная книга возникла как целое значительно позже времени создания содержащихся в ней документов. Шифр “№ 31. Fasc. 4. Publicznuch” является знаком происхождения рукописи из архива Радзивиллов. В той же подборке хранились грамоты кн. А.И. Ногтева Суздальского воеводе С.М. Пацу 1572 г., остающиеся до сих пор в фонде Радзивиллов Варшавского архива и – одна из них – в Собрании пергаменных документов того же Варшавского архива. Их старые номера в рамках «Фасцикула 4 Публичных дел» – 13, 16, 17, 24 и 29. Они предшествуют номерам татарских материалов из изучаемой рукописи⁷. В конволюте БЧ № 2893 также хранятся два столбца переписки кн. А.И. Ногтева Суздальского. Один из

⁵ Данная датировка условна. См. об этом здесь ниже.

⁶ Использованы альбомы: [44; 45; 36; 54].

⁷ Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. II. № 76, 77, 79, Suppl. 39 (1a) (последний шифр ныне изменен на: AGAD. AR. Dz. II. № 3338). См. также: [8, с. 11, 21, 42, 43, 44, 45].

них является окончанием столбца Suppl. № 39 (1a) (AR. Dz. II. № 3338)⁸, а второй – видимо, фрагментом какого-то «Обидного списка», составленного не ранее конца октября 1571 г.⁹ В других частях изучаемой рукописи Р. Яворский обнаружил ряд номеров из фасцикула 58 той же подборки «публичных дел». Это тоже лишь фрагменты некогда единой папки, другие номера из которой в рукописях Курницкой библиотеки №№ 1535 и 1536 из собрания Т. Дзялынського [41, s. 94. Przym. 22].

Архивные маркеры позволяют сделать вывод, что копия перевода татарских материалов в сборнике БЧ № 2893 была выполнена для канцлера Великого княжества Литовского виленского воеводы Миколая Юрьевича Радзивилла Рыжего [53; 39].

Фрагменты Архива Радзивиллов, вошедшие в состав рукописи БЧ № 2893, еще в первой половине XIX в. представляли собой россыпь отдельных листов и тетрадей. В таком виде они до 1810 г. были украдены из Несвижского архива библиотекарем Доминика Радзивилла Кайетаном Квятковским и к сентябрю 1813 г. или вскоре после этого проданы Адаму-Ежи Чарторыйскому с условием допуска к ним лично Квятковского для исторических исследований. Другие несвижские материалы тайно проданы Квятковским Титусу Дзялынському и хранятся вплоть до наших дней в родовом замке Дзялынских в Курнике под Познанью [41, s. 92–94].

После революции 1831 г. собрание рукописей Чарторыйских было эвакуировано из Пулав и хранилось в Отель Ламбер в Париже (упомянутый на обороте верхней крышки рукописи А. Бинан – парижский переплетчик). Переплет, выполненный с использованием обрывков старых рукописей, осуществлен между 1838/9 – 1872 гг. под руководством А.-Е. Чарторыйского либо Владислава Чарторыйского. Проводили работы библиотекари – вероятно, Д. Ростковский (не ранее 1848 г.) или А. Рутковский (не ранее 1855 г.)

⁸ ВСz. № 2893. S. 301–304 (Полоцк, 26 августа 1571 г.). Столбец без начала. Верх ровно срезан. В нынешнем виде 870×281 мм. Из трех склеек, два сстава, верхний склеен бумажной полоской шириной ок. 22–24 мм, нижний – внахлест 2–5 мм. Водяной знак – на верхней склейке перчатка с пятилепестковым цветком 64 мм (ширина рукава ок. 18, в сужении – 13). На средней – перчатка с трехлепестковым цветком 67 мм. Почерк 1 – деловая скоропись XVI в., жирно выделены инициалы. На обороте в верхнем левом углу запись почерком XVIII (?) в.: “№ 25 Fasc. N. Publicznych”. Начинается со слов «...туровские стрелцы Василева прибору Огарева» и т.д. Первые упомянутые в тексте события относятся к 14 июля (1571 г.). Предположение о единстве данного столбца с Suppl. № 39 (1a) подкрепляется единством их текста: «шли с Турови в Козяны / туровские стрелцы Василева прибору Огарева...» и т.д. (состав между рукописями Варшавского архива и Библиотеки Чарторыйского обозначен косой чертой). См.: [8, с. 27 (№ 1)].

⁹ ВСz. № 2893. S. 323–326. Недатированный отрывок без начала и конца 377×280 мм. Водяной знак – перчатка с пятилепестковым цветком ок. 67 мм. Почерк сходен с почерком акта в этом же деле на л. 301–304. Сразу после описания погрома полоцкого жильца Василия Иванова на дороге из Копья – описание событий 30 сентября (1571 г.). Обрывается текст акта на описании событий 17 октября (1571 г.). Далее на с. 325–326 предыдущий отрывок того же акта с описанием событий с 16 августа до 27 сентября: 378×280. Два сстава, проклеенных бумажными полосками шириной ок. 26 мм. Водяной знак на среднем сставе – перчатка с пятилепестковым цветком ок. 68 мм.

[50; 51]¹⁰. По всей видимости, создание переплета и БЧ № 2893 не могло состояться ранее 1848 г. В 1872 г. рукописи были вывезены из Парижа. В библиотеку Чарторийских в Кракове БЧ № 2893 вернулась в 1874–1876 гг. через Курник и Сенявы вместе с другими парижскими рукописями Чарторийских [см. также: 41, s. 92]¹¹. В 1960–1961 гг. рукописи Музея Чарторийских были перевезены в новое здание библиотеки на ул. Св. Марка 17, где находятся по настоящее время [49]. За время бытования сборника БЧ № 2893 к нему обращались лишь немногие ученые. Открыл его, по словам Р. Яворского, М.В. Довнар-Запольский, а впервые опубликовал один документ из его состава Д.И. Довгялло [2, с. 1–5; ср. рец.: 35, s. 357–361. Об этом см.: 41, s. 94. Przur. 23]. В наши дни сборник вызвал широкий интерес польских историков-специалистов по переписке короля Сигизмунда II Августа с литовскими магнатами, казачеству и другим проблемам – И. Грали, М. Яницкого, Р. Яворского, К. Лопатецкого [см. также: 41; 48, s. 44. Przur. 88; s. 193–195, 217–218 et al.; 52, s. XLI, XLVII, L–LI, LV–LVI et al.].

В числе прочих материалов в рукописи БЧ № 2893 сохранились копии с посланий Сахиб-Гирея, Амин-Гирея Салтана, казанского хана Сафа-Гирея и короля Сигизмунда I Старого Сахиб-Гирею (с. 19–24) и рутенские копии переписки Ивана IV с торопецкими воеводами князем Иваном Ивановичем Барбашиним, Дмитрием Семеновичем Воронцовым и Василием Петровичем Борисовым (с. 25–28). Переписка Ивана IV с воеводами обозначена была особым образом по нижнему полю в конце раздела: «Московское дело, когда строили Велиж» (“Sprawa Moskiewska kiedy Wieliz budowali”) (с. 28). В нынешнем виде татарские дипломатические материалы как бы разделены «справой московской», оказавшейся между перепиской с Сахиб-Гиреем и т.д. с одной стороны, и материалами посольства к Сигизмунду II Августу – с другой. Почерк в каждой из этих трех частей особый. Впрочем, судя по сходству водяного знака бумаги, материалы предшествующие «Посольству» (на с. 19–28) могли быть составлены примерно в одно время.

Кодикологические данные позволяют представить бытование публикуемых текстов следующим образом. Материалы третьей части «татарской и московской переписки» составляют отдельный блок-папку и состоят из послания хана Девлет-Гирея королю Сигизмунду II Августу, «слова» хана к королю и посольской речи Арды-Бердея (Арды-Бердя, Тарибердия), подготовленной к аудиенции у короля. Эта подшивка – копия перевода с тюркского языка, выполненного современным писарем. Водяной знак данного сегмента в составе кодекса позволяет предположить, что перед нами рукопись 1570-х гг., несильно отстоящая по времени от момента создания перевода. Язык всех казанско-крымских посланий рутенский, то есть это русский язык Короны Польской и Великого княжества Литовского, который в науке иногда называют староукраинским или старобелорусским. Судя по старательности почерка и отсутствию существенных исправлений, перед нами чистовая ко-

¹⁰ Благодарю директора архива и рукописного собрания Библиотеки Чарторийских в Кракове Я. Новака за консультацию.

¹¹ Р. Яворский принимает 1876 г. как верхнюю границу создания переплета, однако, если в 1872 г. рукопись уже покинула Париж, то запись в кодексе о работе над переплетом именно в Париже противоречит датировке польского исследователя.

пия перевода с тюркского. Нет данных, чтобы ответить на вопросы, где именно и кем осуществлен перевод.

Подборка переписки между польскими и крымскими суверенами свидетельствует о том, что в канцелярии М.Ю. Радзивилла был подготовлен небольшой сборник, посвященный отношениям короля Сигизмунда I Старого с Казанью, Крымом и Москвой. Возможно, в первоначальном виде объем этого сборника был шире¹². К архиву Радзивиллов относится и опубликованный Д.А. Мустафиной, Д. Вашуком, а позднее переизданный И. Гралей и Ю.М. Эскиным комплекс «казанской переписки» из Варшавского архива – рутенский перевод писем, предположительно отправленных казанским ханом Сафа-Гиреем королям Сигизмунду I Старому и Сигизмунду II Августу¹³. Нельзя принять вывод Д.А. Мустафиной, что «грамоты Сафа-Гирея» относятся к Литовской Метрике и происходят непосредственно из великокняжеской канцелярии.

Послания предшественников Девлет-Гирея, как и его послание польскому королю, посвящены войнам с московскими правителями. Д.А. Мустафина предположила, что четыре «послания Сафа-Гирея» Сигизмунду I и Сигизмунду II, обнаруженные в ВА № 3294, относятся к периоду не ранее апреля 1538 г. и не позднее августа 1545 г.

Д. Вашук иначе датировал период возможного возникновения писем из ВА № 3294, сузив его до апреля – декабря 1538 г. Выводы исследователя основаны исключительно на отнесении филигрانی списка к точной дате другого документа со сходным водяным знаком, обнаруженного исследователем в Варшавском архиве: «7 ноября 1538 г.». Эту дату Д. Вашук использует как *terminus* для всех переизданных им вслед за Д.А. Мустафиной источников. И датировка бумаги Варшавской рукописи, и построенный на ней вывод о времени возникновения текстов крайне уязвимы¹⁴. Знак рукописи ВА № 3294 не идентичен опубликованному в альбоме Э. Лауцявичюса¹⁵, зато идентичен варианту «татарской переписки» рукописи БЧ № 2893¹⁶. Близкие варианты, как указали Ю.М. Эскин и И. Граля, в альбоме Ш. Брикe датированы 1526 и 1542–1547 гг. [38, s. 202]. Таким образом, следует предварительно датировать

¹² В состав изучаемой рукописи входит также послание-«ярлык» хана Менгли-Гирея II воеводе киевскому Николаю Юрьевичу Радзивиллу в переводе на русский язык Великого княжества Литовского. Этот источник выходит за хронологические рамки нашей работы и заслуживает отдельной работы. См.: ВСз. № 2893. S. 147–148.

¹³ AGAD. AR. Dz. II. № 3294 (далее в тексте статьи принимаем сокращение для данной рукописи – ВА № 3294). См. публ.: [19]. Переиздание писем с сохранением графических особенностей оригинала см.: [3; 38]. Далее ссылаемся на текст по изданию Ю.М. Эскина и И. Грали, в котором исправлены отдельные недочеты публикации Д. Вашука.

¹⁴ Исследователь не обсуждает филиграноведческие проблемы: степень подобия между знаками, возможность залежности бумаги. Очевидно, что точная дата использования известной бумаги недостаточна, чтобы рассматривать данную дату как *terminus* для недатированного текста на бумаге со сходным знаком. Ср.: [2, с. 120]. Критику концепции Д. Вашука см.: [38, s. 193].

¹⁵ В расхождениях между знаками в альбоме и в источнике легко убедиться, сравнив изображения. Ю.М. Эскин и И. Граля также утверждают, что знак ВА № 3294 идентичен названному варианту из альбома Э. Лауцявичюса (“zgoła identyczny”). Это неверно. Ср.: [38, s. 202].

¹⁶ См. Приложение к настоящей работе.

искомый бумажный знак максимально широко, по меньшей мере – со второй половины 1520-х до второй половины 1540-х годов.

Оспаривая точки зрения Д.А. Мустафиной и Д. Ващука, Ю.М. Эскин и И. Граля исходят из предположения, согласно которому в первом послании Варшавской подборки упомянуты события, последовавшие за «дворцовым переворотом» в Казани 25 сентября 1535 г., – приход к власти Сафа-Гирея и Московская война Гирея. Датировки *post quem* письма, по мнению этих исследователей, относятся к 6 января 1536 г. (сожжение казанцами Балахны) и 15 января 1537 г. (осада Мурома). Более поздние события, выходящие за хронологические рубежи зимы – весны 1537 г., по их мысли, в переписке не упоминаются. Общая датировка всей Варшавской подборки перенесена Ю.М. Эскиным и И. Гралей на зиму – весну 1537 г. [38, s. 196–198].

Все названные авторы и ряд исследователей, вскользь упомянувших «переписку Сафа-Гирея», убеждены в том, что комплекс писем из Архива Радзивиллов представляет целостную подборку, которая поддается датировке в рамках узкого исторического периода¹⁷. Однако, на мой взгляд, у нас нет достаточных оснований видеть в чистовой копии из архива Великого княжества Литовского ни единое целое, ни сборник писем за время правления одного Сафа-Гирея. Кроме того, до сих пор не нашли удовлетворительных ответов вопросы, которые неизбежны при датировании посланий. Среди них – почему Сафа-Гирей начинает рассказ о победах над Москвой со своего малолетства в Перекопской орде, то есть событий многолетней давности, если слова казанского хана пишутся во второй половине 1530-х годов? Кто такие «мурза Мамай» и его дети? К какому времени относится казанско-нагайско-астраханский союз против Москвы, упоминаемый во втором послании Варшавской рукописи? Когда старостой городенским был «пан Юрий» из третьего письма? Ответы помогут точнее датировать послания ВА № 3294 и связать их с более широким дипломатическим контекстом.

Документы краковского манускрипта, предшествующие посольским записям за 1571 г., составляют еще одну особую подборку, сходную с варшавскими копиями. Нельзя исключать, что рутенские переводы «грамот Сафа-Гирея» могли быть скопированы около того времени, когда в канцелярии Великого княжества Литовского собирались сведения о взаимоотношениях крымских и польских суверенов. Сходство водяных знаков на уровне идентичности показывает, что татарские «ярлыки» в рукописях ВА № 3294 и БЧ № 2893 представляют собой две части одного комплекса, который примыкает к материалам посольства Девлет-Гирея 1571 г. и, по всей видимости, на каком-то этапе составлял единство с этими материалами. Чтобы ответить

¹⁷ В описи Архива Радзивиллов читального зала Варшавского архива древних актов содержание данной единицы хранения (сигнатуры 3294) обозначено как «Три письма казанского хана Сафа-Гирея польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I Старому». В легенде к первому письму в квадратных скобках указана без каких-либо историографических ссылок дата упоминаемых в письме походов: «за 1536–1545 годы» [40, s. 22]. Иную точку зрения на время возникновения посланий ВА № 3294 высказал Я. Пилипчук. Все источники в публикации Д.А. Мустафиной исследователь обобщил понятием «послания Сафа-Гирея Сигизмунду I Старому» и датировал периодом с 1535 по 1544 г., не приведя никакой аргументации в пользу своей датировки [21, с. 87]. Точка зрения о единстве комплекса «посланий Сафа-Гирея» из Варшавского архива принимается и в тюркологических исследованиях [14, с. 80].

на вопрос о связи названных «ярлыков» с татарской документацией 1571 г., необходимо обратиться к содержанию грамот Варшавского архива и Библиотеки Чарторыйских и попытаться вписать их в историю польско-ордынской дипломатии.

В подборке ВА № 3294 Сафа-Гирей является отправителем только первого послания (с. 1–4). Д.А. Мустафина, а вслед за ней и Д. Ващук, некритично относят слова «От Сапкирея царя» после формулы «Лист писан у Казани» к эсхатоколу первого послания, что вступает в прямое противоречие не только с финальной формулировкой последующего послания, завершающегося словами «Писан у Казани», но и с написанием имени хана. В протокольных словах первого послания оно читается «Сафа Кгирей», тогда как в остальных письмах имя адресанта пишется иначе: «От Сапкгирей царя слово». Это имя Д.А. Мустафина и Д. Ващук толкуют как особое написание имени хана Сафа-Гирей (у Д. Ващука: «Сафи-Гирей»). Согласно Ю.М. Эскину и И. Грале, переписчик ошибочно обозначил этим именем именно Сафа-Гирей. С этим трудно согласиться. Трехкратная ошибка маловероятна, но даже теоретически возможна только в случае, если доказано, что перед нами именно ошибка, а не точное воспроизведение имени другого крымского династа – хана Сахиб-Гирей [38, с. 207. Przym. 52].

В первом послании из подборки речь идет, по всей видимости, действительно о Московских походах самого начала правления Сафа-Гирей, когда он мог еще обращаться к польскому королю как юный казанский правитель, ожидая от него поддержки против Москвы. Начало эпопеи в его рассказе относится еще ко времени, когда Сафа был царевичем «у в Орде Перекопской» [38, с. 203]. И подразумеваются события не 1535–1537 гг., как полагают Ю.М. Эскин и И. Граля, а весны 1521 – весны 1523 г., когда Сафа еще не был казанским ханом. В 1521 г. восстание в Казани привело к власти Гиреев. Московский ставленник Шах-Али вместе с женой бежал из Казани [23, с. 37; 25, с. 269; 26, с. 401; 27, с. 310], и Сафа мог позднее думать, что своего противника Гирей «згубили» [38, с. 204]. В плен были взяты «великого князя послы и гости», а в 1523 г. «царь Саипп-Гирей в Казани... посланника великого князя Василья Юрьевича Поджегина уби» [23, с. 43; 25, с. 270; 26, с. 402; 27, с. 310, 312]¹⁸. О чем и вспоминает Сафа: «Послов есми московских казал помати и до казни посажати, а инших велел есми потратити и землю есми его взял» [38, с. 204].

В Москве позже узнали о союзе Гиреев с Ягеллонами, и в Шумиловском списке Лицевого свода появилась повесть «О лукавом соединении кралеве с Крымским» [23, с. 37–43]. Упоминаемые в письме военные действия находят параллели в сообщениях русских источников о нашествии Мухаммед-Гирей на владения великого князя московского в 1521 г. и последующих войнах, включая военную кампанию, закончившуюся неудачной для Сафа-Гирей битвой на р. Свияге в августе 1524 г. [23, с. 44; 25, с. 270–271; 26, с. 403. См. также: 32, с. 75–77].

¹⁸ Слова «великого князя послов и гостей» читаются в Вологодско-Пермской летописи, тогда как в ряде официальных летописных сводов слов «послов и» нет. При этом Вологодско-Пермская летопись кратко передает сообщение о кровопролитии, учиненном Сахиб-Гиреем в Казани, и не сообщает о смерти В.Ю. Поджогины.

Письмо Сафа-Гирея завершается новостью о том, что Казанская орда только что присягнула ему, и предложением продолжить военный союз с королем. Таким образом, Сафа-Гирей, впервые в качестве казанского хана, подчеркивал своим письмом Сигизмунду Старому верность военному союзу Гиреев с Ягеллонами и готовность после своего прихода к власти в Казани продолжать антмосковскую политику. Вся совокупность приведенных аргументов позволяет сформулировать новую датировку первого письма Варшавской переписки: весна – лето 1524 г. Один факт как будто противоречит этому выводу. В письме упомянута помощь астраханского хана, который назван по имени «Авдрагман царь». Как предполагают Ю.М. Эскин и И. Граля, подразумевается Абдул-Рахман (в русских источниках – Абдыл-Рахман), правивший в Хаджи-Тархане в 1533–1537 и 1539–1545 гг. [38, s. 206. Przyp. 43]. Если наша датировка верна, то приход на подмогу Сафа-Гирею 1 тыс. воинов от Абд ар-Рахмана (Авдрагмана) следовало бы, по логике повествования, отнести ко времени, несильно отстоящему от даты составления письма. Абд ар-Рахман, согласно другим известным источникам, занимает астраханский трон не ранее 1533 г. До него ханами на Хаджи-Тархане были Абд ал-Керим, Джанибек, Хусейн, Шейх-Ахмед, Касим, Ислам-Гирей и Аккубек. Впрочем, при нашем уровне знаний об астраханских правителях нельзя исключать, что в короткое междуцарствие между Джанибеком и Хусейном или в предполагаемый период правления одного из них кто-то еще мог занимать трон на Нижней Волге¹⁹.

Имя Сафа-Гирея в начале подборки не вызывает сомнений, а финальными словами первого послания следует считать: «Лист писан у Казани»²⁰. Последующие слова (имя хана) механически присоединены в копии к данному письму и относятся ко второму письму, а его отправитель – не Сафа, а Сахиб-Гирей, также правивший в Казани, но в 1521–1524 гг., а затем перебравшийся в Стамбул и в 1532–1551 гг. занимавший крымский престол²¹.

Во втором послании (с. 4–5) хан обращается к королю Сигизмунду I Старому с просьбой оказать финансовую помощь на организацию похода. Следовательно, можно датировать послание временем, непосредственно предшествующим самому походу. Однако речь идет о событиях, в которых приняли участие сын ногайского мурзы Мамай и тысяча воинов от астраханского хана. Из официальной русской летописи можно узнать, о каких событиях идет речь. Под 10 июля 1530 г. говорится о походе великого князя на Казань. При этом хан Сафа-Гирей предпринял ответные действия: «И царь казанский Сафа-Кирей со всеми казанскими людьми, – к ним же прииде на помощь из

¹⁹ Согласно И.В. Зайцеву, порядок правления астраханских ханов известен крайне фрагментарно: Джанибек б. Махмуд занимал астраханский престол с 1514 г. и не позднее, чем до 15 августа 1521 г.; Хусейн б. Джанибек – не ранее октября 1521 и до неизвестного ныне момента в середине 1520-х годов; Шейх-Ахмед б. Ахмед – приблизительно между 1525 и 1528 гг.; Касим б. Сайид-Ахмед – после Шейх-Ахмеда, с перерывом, до лета 1532 г.; Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей – не позднее мая 1531 г. – не позднее января 1532 г.; Аккубек б. Муртаза – летом 1532–1533 г.; и, наконец, Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим – впервые он правит в 1533 – не ранее конца октября 1537 г. См.: [12].

²⁰ AGAD. AR. Dz. II. № 3294. К. 1–2.

²¹ Имя «Сапкгирей» расшифровывается как «Сап-Кгирей», то есть Сахиб-Гирей. Такое написание имени хана Сахиба («Сап», «Саип», «Саипп») было принято как в Российском государстве, так и в Великом княжестве Литовском. См., например: [24, с. 32].

Ногай Мамай, мырзин сын болшей, со многими людми да Яглыч-князь со многими людми и Азтороканские люди» [23, с. 47; 25, с. 273; 26, с. 406; 27, с. 312]²². По всей видимости, информация, сходная с текстом второго послания из подборки ВА № 3294, стала известна и в Москве. Данное письмо следует отнести к самому кануну Московско-Казанской войны 1530 г. При этом роль Сахиб-Гирея в походе 1530 г. остается дискуссионной, и данный вопрос должен решаться с учетом атрибуции второго письма из Варшавского архива не хану Сафа, а именно хану Сахибу²³.

В третьем письме (с. 5) упоминается староста городенский «пан Юрий», у которого содержался служебник хана Кугурча. Как отметили Ю.М. Эскин и И. Граля, этот пан Юрий – Юрий Николаевич Радзивилл по прозвищу Геркулес [38, s. 207. Przur. 53]²⁴. Однако настораживает, что Ю.М. Радзивилл занимал должность городенского старосты с 1514 г. до момента, когда в 1533 г. Городенское староство выкупила королева Бона. Формально он оставался на уряде до 1534 г. Затем лишь в 1540 г. престарелый литовский маршалок дворный вернул его себе и сохранял вплоть до смерти в апреле 1541 г. [60, s. 335–336, 639 (№ 2333)]²⁵. Если письмо писалось в 1537 или 1538 г., то хан ошибочно называл должность Радзивилла, что уже сомнительно – для отправителя важно было точно указать, у кого в Великом княжестве Литовском содержатся почетные пленники Кучурча и Хусеил. Маловероятно, что это послание возникло между 1534 и 1540 гг., и вполне допустимо, что описываемые в нем события происходили значительно раньше – в начале 1520-х гг., когда и правил в Казани Сахиб-Гирей.

Наконец, следом за ханскими посланиями выступает список заголовков писем от Сахиб-Гирея, аталыка царевича Сафа-Гирея Ярмурчи-бия (Ямгурчи), царицы-жены Сафа-Гирея, мурзы Кавача, мурзы Кидакчи, Намая-улана, Булат-бия и Кадыж-бия (с. 5–6). «Царевичем» Сафа-Гирей был только до того момента, когда в 1524 г. занял Казанский престол, а послание Сигизмунду Старому от царицы-супруги Сафа-Гирея могло быть отправлено не ранее середины 1520-х гг., когда Сафа-Гирей женился на дочери ногайского бея Мамай бен Мусы [38, s. 198]. Таким образом, все письма, перечисленные в приложении к подборке казанских посланий, отправлены в разное время²⁶.

²² Благодарю за консультацию М.В. Моисеева.

²³ М.Г. Худяков полагает, что Сахиб-Гирея с момента его поездки в Стамбул в 1524 г. казанский трон не привлекал. Однако, если это и так, вопрос о влиянии Сахиба на казанскую политику это замечание исследователя не решает. См.: [32, с. 74–75].

²⁴ Я.В. Пилипчук понял слова «пан Юрий староста городенский» буквально, заключив, что здесь упоминается некий «пан Юрий из Гродно». Это недоразумение. В письме названа должность, а не происхождение «пана Юрия». Ср.: [21, с. 86–87].

²⁵ Благодарю за консультацию Н. Слиж.

²⁶ Ориентируясь на выводы Д.А. Мустафиной, выстраивает историю крымско-казанско-литовских отношений Я. Пилипчук. Однако никаких новых аргументов в пользу принятой датировки посланий из ВА № 3294 он не приводит, а лишь пересказывает их содержание. Приложение со списком посольств исследователь рассматривает как «четвертое письмо» со списком казанского посольства Кельдеяра от Ямгурчи, уточняя даже, что речь должна идти о «внушительном представительстве от Казанского ханства». С этим нельзя согласиться. В источнике говорится о гонце Сахиб-Гирея Исмаиле и представителях царевича Сафа-Гирея, царицы «Сафакгиреевой» и представителях мурз, уланов и биев. Этот список не может относиться к одному посольству. Ср.: [21, с. 86–87].

Последовательность писем между собой в Варшавской подборке определяется, по всей видимости, какими-то задачами составителя. Перед нами не-единая по времени составления ретроспектива, причем вряд ли случайно, что первое место в ней занимает письмо Сафа-Гирея, в котором крымский хан обращается к польскому королю как к своему «отцу».

Подборка в БЧ № 2893 состоит из четырех писем. Первое – рутенский перевод «ярлыка» крымского хана Сахиб-Гирея польскому королю Сигизмунду I Старому (с. 19–20). Оно написано вскоре после смерти брата хана, Ислам-Салтана. По мнению В.В. Трепавлова, конфликт разгорелся еще летом 1537 г., тогда же, вероятно, до 25 июля 1537 г. состоялся поход Сахиб-Гирея против его племянника [30, с. 227]. Описанные в послании хана королю гибель Ислам-Гирея и установление единовластия в Орде относятся уже к августу того же года. Письмо Сахиб-Гирея было написано вскоре после этого события, то есть, вероятно, осенью 1537 г.²⁷

Второй «лист», от сына хана, Амин-Гирей-Салтана (с. 20–21), датируется тем же временем, что и первый, поскольку является частью той же посольской миссии – вместе с посланником хана по имени Текеш к польскому королю отправился личный представитель Амин-Гирея Люиш²⁸. Хронологический контекст переписки намечен благодаря словам хана о миссии «добротого пана Оникея Горьността». Королевский посол Оникей Горността, по словам Сахиб-Гирея, принес ему присягу от имени короля о выплате «упоминков» 4 или 5 лет назад («был в нас от чотырех або от пяти лет»)²⁹. Господарский дворянин, державца конявский и дубицкий, ключник виленский О. Горността был направлен к Сахиб-Гирею не ранее 14 октября 1533 г. и не позднее начала 1534 г. [43, р. 74. N. 224; см. также: 59, s. 115 (№ 413)]. Отсчитывая 4 года от конца 1533 или начала 1534 г., можно получить конец 1537 или начало 1538 г.

Датировку писем Сахиб-Гирея и Амин-Гирей-Салтана можно уточнить, что мы и сделаем чуть ниже, когда речь пойдет об ответе короля Сигизмунда I.

Отправителем третьего «ярлыка» был казанский хан Сафа-Гирей (с. 21). Судя по его словам, на момент написания письма он совсем недавно впервые взшел на казанский престол и вспоминал о милости к нему короля, которого называет своим «отцом». Юный Гирей рассказывает об успехах в борьбе с общим врагом, своим и короля – великим князем московским³⁰. Подразумеваются военные действия 1524 г. Таким образом, 1524-м годом и можно датировать послание Сафа-Гирея Сигизмунду I в подборке БЧ № 2893. Этот краткий текст служил верительной грамотой для приема королем казанского посланника Богуша³¹. Перед Богушем Сафа-Гирей уже отправил к королю

²⁷ Приложение I. S. 19–20. Эта датировка подтверждается требованием хана прислать ему «скарб» (то есть дань–«поминки») еще зимой. В противном случае, если до следующего лета «скарб» не будет послан, хан в завуалированной форме грозит обострением отношений с королем.

²⁸ Приложение II. S. 20–21.

²⁹ Приложение I. S. 19–20.

³⁰ Приложение III. S. 21.

³¹ Сохраняют силу сомнения Ю.М. Эскина и И. Грали в правомерности отождествления Богуша и Беиша с Богушем Боговитиновичем, которое допускает Д.А. Мустафина [38, s. 194. Przur. 9]. Впрочем, следует отметить, что в биографии подскарбия земского литовского Богуша Михаила Боговитиновича, написанной В. Кононовичем, ордынское направление полностью отсутствует [15].

Едигера («Ядикгаря»). Поскольку более подробный посольский наказ должен был передать королю Богуш, можно предположить, что таким текст наказа содержится в первом письме из Варшавской подборки, в которой встречается формула: «А послалом до Вашей милости с тым моим листом присяжным подскарбего своего Богуша, а што будет Вашей милости, отцу моему, он мовити, Ваша милость рачи ему верити, бо то есть наша реч» [38, s. 207]. Посланником Сахиб-Гирея к Сигизмунду Старому был также Богуш (Беиш). Возможно, на протяжении ряда лет, по крайней мере, в правление Сахиба и Сафы, в Казани была служба по дипломатическим сношениям с Великим княжеством Литовским и Коронной.

Поскольку содержание первого письма из ВА № 3294 и третьего из БЧ № 2893 близко, они могут быть двумя частями одного собрания, в котором краткий текст БЧ № 2893 был соединен с подборкой ВА № 3294, но по каким-то причинам это собрание «ярлыков» распалось. Следовательно, третий «лист» в краковской рукописи следует датировать весной – летом 1524 г.

Наконец, последнее письмо в БЧ № 2893 (с. 22–24) – ответ короля Сигизмунда Старого на посольство Текеша от Сахиб-Гирея 1537 г.³² Упомянутые в письме короля «князь Булгак» и Василий Тишкевич – это москвит и слуга кн. С.Ф. Бельского «князь Булгак» или, как о нем говорили в Москве, «Булгачко Иванов человек Золотилова, Цветново брат»³³, и староста красносельский, черкасский и каневский Василий Тышкевич, получивший свою должность «старосты черкасского и каневского» как раз в канун переписки – в 1536 г. [58, s. 215 (№ 1598)]. Помимо В. Тишкевича и О. Горностая в переписке короля с крымским ханом назван «Булгак». По московским посольским книгам известно, что «Булгак-князь» 1 ноября 1537 г. отправился из Крыма в Литву, чтобы просить у короля «выход» в размере 60 тыс. зл. угорских. Вернулся он к хану 27 января 1538 г., доставив только «поминки» и предложение

³² Последняя посольская миссия от Ислам-Гирея в Великом княжестве Литовском и Короне Польской появляется в конце лета 1537 г. Согласно реестрам выплат Королевской казны, в пятницу после дня св. Иакова (“*feria sexta post festum sancti Jacobi*”) 1537 г. во Львове находились послы Сахиб-Гирея и Ислам-Гирея (Aslan-Soltan). Поскольку память св. Апостола Иакова отмечалась католической церковью каждый год 25 июля, а в 1537 г. этот день приходился на среду, послы должны были оказаться во Львове уже через день, 27 июля. Во вторник после праздника св. Иеронима (“*feria tertia post festum sancti Ieronimi*”) 1537 г. в Краков прибыл посол от Ислам-Гирея. Память св. Иеронима Стридонского приходится на 30 сентября, следовательно, 2 октября крымский посол был у стен Вавеля. См.: AGAD. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 1. Rachunki królewskie. № 91. К. 63v–64.

³³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 328 об., 330. Показательно, что король говорит о задержании этого князя у себя как представителя («посла») великого князя московского и обещает отправить его только следующим своим посольством к Сахиб-Гирею. По всей видимости, московский агент исполнял посредническую миссию, в которой в 1536–1537 гг. принимал участие и кн. С.Ф. Бельский. Незадолго до того, в апреле 1537 г., Булгак посредничал в переговорах между князем Семеном Бельским и московскими властями, а в документации Бельского сохранились указание о том, что он поменял «Булгаку князю» алтын на серебряный грош. См.: Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. Brev. N:O 352. E 8610:2. Тетрадь номер 50. Л. 2. См.: [11].

«братства и дружбы»³⁴. Согласно актам из архива Великого княжества Литовского, Сигизмунд Старый узнал о гибели Ислама от князя Булгака³⁵.

Приведенные свидетельства позволяют считать датой *post quem non* посланий Сахиб-Гирея и Амин-Гирей-Салтана к королю Сигизмунду I Старому из сборника Библиотеки Чарторыйских 1 ноября 1537 г. По всей видимости, письма были составлены незадолго до начала крымского посольства в Великое княжество Литовское. Ответ короля, вошедший в XIX веке в состав того же сборника «русских актов» из собрания Чарторыйских, был написан никак не позднее середины января 1538 г., когда московский представитель должен был уже отправиться обратно в Крым, а вероятнее – в конце декабря 1537 г. – начале января 1538 г.

Более точные сведения о хронологических рамках и прочих обстоятельствах данного фрагмента крымско-литовской переписки должны быть задачей для специальных исследований³⁶.

Таким образом, письмо Сафа-Гирея врезается в цельную подборку и выбивается из хронологического ряда. Объяснить этот факт можно, обратившись к фразе, приписанной в конце строки после завершения письма Сафа-Гирея: «То лист от короля его милости писанный до царя перекопского и послан с Кракова толмачом Хаиком»³⁷. По всей видимости, перед нами копия подборки, в которой письма в руках переписчика были расположены именно так, и он даже легенду к письму короля Сигизмунда в спешке не отделил от письма казанского хана. Поскольку обе «татарских» подборки восходят к Архиву Радзивиллов и написаны на бумаге одного времени, есть вероятность, что послания в ВА № 3294 являются частью некогда единого комплекса, еще одна часть которого сохранилась в составе обозначенного выше первого раздела «татарской переписки» рукописи БЧ № 2893.

Содержимое подборки писем Варшавского архива доказывает, что крымские и казанские правители относились к польским монархам как к своим союзникам и покровителям. Как следует из первого послания Девлет-Гирея, союзнические отношения, в целом, между Крымом и Речью Посполитой к началу 1570-х гг. сохраняются. В ответ на неизвестное ныне обращение короля Сигизмунда крымский хан оправдывается, что соблюдает договоренности и постоянно причиняет вред Московскому государству («завше без перестанья панству его шкоду чиним»)³⁸. Однако хан не следует традиции своих предшественников и не называет польского короля «отцом своим», как это, напротив, делали Сафа-Гирей и Сахиб-Гирей, обращаясь к Сигизмунду Старому. На этом фоне претензии Девлет-Гирея на покровительство, помощь и финансовые вливания (в том числе «упоминки» за три года) со стороны польского короля могли быть представлены стороной Сигизмунда Августа как бесосновательные. Между тем, послание хана посвящено именно спорам из-

³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 407 об.–409 об., 414–414 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 15. Л. 180 об.–181, 182 об.–184 об., 230–231 об., публ.: [46, р. 202, 204–206, 253–255].

³⁶ Политический контекст упомянутых в письме короля Сигизмунда I дипломатических миссий и перехват Ислам-Гиреем «упоминков» от короля, предназначенных для Сахиб-Гирея, рассматривался, в частности в: [33, с. 219–221; 43, р. 79–81].

³⁷ Приложение III. S. 21.

³⁸ Приложение V. S. 31.

за не поступающих от короля выплат и завершается сообщением об отправлении к нему посольства Туманука с целью получить положенную дань³⁹.

Датировать первое послание Девлет-Гирея из БЧ № 2893 (с. 31–32) следует, учитывая содержательную близость между первым и вторым посланиями. В обоих говорится о невыплате королем «упоминков» за 3–4 года и упоминаются пограничные конфликты, взаимные диверсии против купцов и разрастающийся посольский конфликт. По всей видимости, оба письма несильно отстоят друг от друга по времени возникновения. При этом первое датировано «у Перекопе» и отправлено с посланником по имени Туманук. Из сообщения российского посла в Крыму А.Ф. Нагого известно, что Девлет-Гирей, готовясь к походу в Московское государство, пришел с р. Альмы в Перекоп 5 апреля 1571 г. [13, с. 271]. Вероятно, в этот день или около 5 апреля и было составлено первое письмо Сигизмунду II.

Второе послание вместе с посольским наказом (с. 33–36) составлено уже «у Полю», на обратном пути после Московского похода и сожжения Москвы 24 мая 1571 г., то есть написано, вероятно, не ранее конца мая – июня 1571 г. Во втором послании Девлет-Гирей ссылается на то, что его решение двинуться на Москву было принято после неудачных переговоров, которые отразились на первом послании из подборки в составе БЧ № 2893. Таким образом, первое из двух посланий составлено около 5 апреля 1571 г. и, вероятнее всего, незадолго до Московского похода. Второе следует датировать на основании хронологической шкалы упоминаемых в нем событий, к чему мы обратимся здесь ниже.

Как ясно из обоих посланий, накануне похода татар на Москву между королем и ханом произошла размолвка. Хан вызвал гнев Сигизмунда II тем, что нарушил посольский обычай, неучтиво принял посла и даже велел его ослепить. Хан отвергает наговоры посла и переносит на него самого и на короля вину за конфликт, обвиняя этого посла в «небылых речах». Речь идет, вероятно, о посольстве короля в канун Московского похода Девлет-Гирея или каком-то более раннем посольстве. Еще в 1569 г. хан Девлет задержал у себя польских послов в качестве заложников до выплаты королем причитающихся Крыму «даров». Летом 1569 г. Селим II на переговорах с польским послом А. Тарановским выступил посредником между Крымом и Речью Посполитой, призвав Девлет-Гирея отпустить послов Сигизмунда II и оправдывая в глазах хана короля, который отказывался воевать с «Московским, который тоже христианин» [37, с. 260–261].

К 1571 г. относится известное по Литовской Метрике письмо короля, переданное Девлет-Гирею Юрием Быковским. Предмет диалога между правителями близок к теме первого послания из сборника Библиотеки Чарторыйских. Согласно королю, накануне к нему приезжал из Крыма посланник по имени Джань-Бек (Зань). Разногласия были сосредоточены на королевской миссии в Турцию. Король настаивал, чтобы Крым выдал королевского представителя Александра Владыку, который был взят ханом в заложники до получения дани и испытал какую-то телесную напасть («зачим и о здоровье пришел»), и ниже: «на здоровью и на очах») [17, с. 309. № 193]. Еще до на-

³⁹ Там же. S. 32.

званного письма развернулся спор, на ком лежит вина за страдания королевского посла. Хан отговаривался, что все произошло не по его указу, а «з воли и допущенья Божого» [17, с. 309]. Речь идет, по всей видимости, о тех же обстоятельствах, которые в послании Девлет-Гирея из архива Радзивиллов названы более подробно. Не названный им по имени королевский посланник – А. Владыка. Он отчитался королю, по словам хана, «якобых я мел его не учтити, яко на посла приналежит, якобых я мел его ослепити и некоторых достатков его водлуг обычаю не полнити. Алем я так его учтил и миловал, яко на посла приналежит. Ласку и жаловане ему есмо казали дати. Але послу не годило бы ся небылых речеи плодити. Такового посла и овшем Пан Бог скарет, который посол небылых речеи межи двема господари плодит»⁴⁰. Слова короля Сигизмунда Августа в письме 1571 г. упоминают и комментируют это или подобное самооправдание Девлет-Гирея. Другой аргумент позволяет все же считать, что эти слова короля писались не в ответ на послание, которое мы условно датируем 5 апреля 1571 г.

«Упоминки» в письме короля, на которое отвечает хан из Перекопа, были обещаны только за год, на что хан напоминал о своем требовании – прислать дань за 3 года («трох год») ⁴¹. Король в своем письме хану 1571 г. подробнее освещает предысторию спора и напоминает, что хан отрекся от своих договоренностей и требует трехлетних выплат под угрозой разорвать союз. Однако договоренности предусматривают выплаты только за те годы, когда крымский хан ведет войну против общего врага Крыма и Речи Посполитой – великого князя московского. За походы на московские рубежи царь Магмет-Гирей и Сахиб-Гирей и получали добровольные королевские дары. И с самим Девлет-Гиреем уговор был на том же, а он до той поры «в земли Московьской замку ни одного не взял и нам не подал» [17, с. 310]. Тон письма смягчается, когда Сигизмунд Август предлагает принять его великого посла с подарками за 1 год [17, с. 310–311]. Экскурс короля Сигизмунда в данническую дипломатию парирован в обнаруженном ныне послании крымского хана жестким требованием: «упоминки» за год хан принимать отказывается и ждет выплат за все 3 года. Обязанность Крыма вести войну против Москвы обращена в упрек королю, который не выполняет союзнических обязательств и, более того, не сдерживает своих казаков, наносящих ущерб крымским владениям и торговле⁴².

Наконец, последняя прямая параллель между письмом Сигизмунда II Августа в Крым 1571 г. и посланием Девлет-Гирея от начала апреля 1571 г. прослеживается в вопросе о казаческих набегах. Хан возмущается тем, что польско-литовские казаки тревожат крымские владения, и угрожает ответными ударами крымских казаков. Эти слова касаются явно не только «недавних часов», когда разъезды Речи Посполитой разорили и пленили 500 татарских домов, но и долгосрочных отношений, охватывающих период в два-три года и известных по другим польско-литовским источникам [37, s. 264–265]. До сих пор королевские казаки разоряют заднепровские улусы хана и многожды нападали на купцов, возвращавшихся с товарами из Москвы. Хан выставляет счет Сигизмунду II Августу за это более чем на 100 тыс. золотых⁴³. Реакции

⁴⁰ Приложение V. S. 31.

⁴¹ Там же. S. 32.

⁴² Приложение V. S. 31–32.

⁴³ Там же. S. 31–32.

на это требование в письме короля нет, но сам вопрос уже остро звучит. Видимо, 500 татарских домов – это те же самые пленные, которые названы в послании короля татарами, пришедшими «в лихолетье» и взятыми в плен. Их жены и дети в Заднепровье, по словам короля Сигизмунда, были пленены, но король обещает им свободу, если они «всхочут... назад ити» [17, с. 311].

Таким образом, миссия Джань-Бека к королю Сигизмунду и ответная поездка Быковского в Крым предшествуют миссиям Туманука и Арды-Бердея. Это позволяет датировать письмо Сигизмунда II Августа к Девлет-Гирею, отправленное с Ю. Быковским, началом 1571 г., а датой *ante quem* для него считать послание Девлет-Гирея к королю, отправленное с Тумануком, то есть начало апреля 1571 г.

Споры усугубились к 1571 г. из-за возвращения польских послов на родину и новых договоренностей между королем и великим князем московским, которые с 1570 г. соблюдали перемирие, несмотря на то, что в руках московского правителя оставалось несколько замков Сигизмунда II⁴⁴. Как раз во время похода крымского хана, в апреле – мае 1571 г., Сигизмунд II принимал в Вильне царского посла Г.Ф. Мещерского и ратифицировал Московский договор, заключенный его посольством во главе с Я. Кротосским [28, с. 421; 7, с. 316–317; 31, с. 552–555]. В разрастающемся конфликте с Крымом, понимая, что средств в казне нет ни на ведение войны с Москвой, ни на выплату дани Крыму, король Речи Посполитой принял решение продлить перемирие с Москвой и зафиксировать неустойчивое равновесие в дипломатическом кризисе с Бахчисараем. В то же время хан уже в письме накануне выступления против Ивана IV напоминал королю о несдержанных обещаниях продолжать войну против Москвы («обещующися ехати до земли неприятеля, и не ехали») ⁴⁵.

Второе послание Девлет-Гирея и материалы посольства Арды-Бердея к Сигизмунду II открывает перед исследователями крымскую точку зрения на одно из самых драматичных событий в восточноевропейских истории – поход на Москву многотысячного татарского войска и сожжение столицы Российского государства в мае 1571 г. Крымский хан раскрывает в послании польскому королю свои планы, объясняет свои поступки и выговаривает своему союзнику за пассивность. Девлет-Гирей – тонкий политик, отлично ориентирующийся в дипломатической конъюнктуре. Он упрекает Сигизмунда II в попытке рассорить его с султаном Селимом II. Подразумеваются при этом переговоры в Стамбуле, на которых польский посол А. Тарановский добился согласия Селима II призвать Крым отказаться от дани за те годы, в которые татары разоряли владения короля. Насмешка Девлет-Гирея над этими усилиями показывает, что в треугольнике отношений между Москвой, Варшавой и Стамбулом крымский хан понимал, что на него оказывают давление через Стамбул. Гирей обращается к Сигизмунду II, уже имея в руках согласие султана на Московский поход и чувствуя свое превосходство в старых спорах с Варшавой [37, с. 259–267; 4, с. 182–193; 6, с. 202–210; 20, с. 186–187]. По сло-

⁴⁴ В послании «колкос» – ср. польск. *kielkoś*, то есть какое-то количество от двух до десяти. См.: [56, s. 299].

⁴⁵ Приложение V. S. 31.

вам хана, «упоминки», не поступавшие в его казну уже 3 или 4 года, король должен присылать ему два раза в год⁴⁶.

В послании кануна Московского похода Сигизмунду II Девлет-Гирей обращает стамбульские переговоры против короля как признак зависимости самого Сигизмунда II от султана. Канун военных действий Крыма против Москвы ознаменован стычками между татарскими и польско-литовскими казаками. Это оказывается одной из самых болезненных тем в переписке. Хан обязуется сдерживать своих казаков и призывает короля поступить таким же образом, напоминая ему о нарушениях мира с коронных рубежей. На счету королевских сил был разгром 500 татарских домов за Днепром, нападения на московских купцов и причинение им убытков более чем на 100 тыс. зл. Хан напоминает, что султан велел поймать виновных казаков, провел расследование и велел составить реестры ущерба⁴⁷. По всей видимости, в послании, отправленном из Перекопа, судьба пойманных королевских казаков обсуждается как шантажный козырь в политическом торге с Сигизмундом Августом.

Упреки в адрес короля переходят после отчета о Московском походе в гневное обвинение: «И не ведаю, што тому за причина, иж тот неприятель наш и ваш колко замков вас, брата нашего, забрал, а ты с тым неприятелем перемире береш и в приязни з ним вступиеш!»⁴⁸. Хану известно о подготовке или заключении перемирия между королем и великим князем московским в 1570–1571 гг. Когда крымские войска уже наступали на Москву, в Вильне продолжались переговоры. Девлет-Гирей узнал об их результатах и был возмущен или, считая бесспорным свое военное и дипломатическое превосходство, словесно «высился» над своим союзником. В любом случае его призыв к королю не прекращать войну с Москвой звучал и до, и после Московского похода, а следовательно, хан рассматривал свою войну против Ивана IV как стимул и для Сигизмунда II Августа возобновить войну против Московского государства⁴⁹.

В сообщении Девлет-Гирея о своем торжестве над московским царем содержатся уникальные известия, отражающие представления крымского хана о важнейших этапах Московского похода 1571 г. Прежде всего, продуманным выпадом в адрес Сигизмунда II является заявление о том, что поход начался после того, как переговоры между Крымом и Польско-Литовским государством зашли в тупик. Поняв, что король не намерен платить дары – «упоминки», хан двинулся в землю общего врага («неприятеля нашего сполочь-

⁴⁶ Приложение VI. S. 33, 34.

⁴⁷ Приложение V. S. 31–32.

⁴⁸ Приложение VI. S. 33–34.

⁴⁹ Напряженность в отношениях между Крымом и Сигизмундом II Августом сохранялась после того, как староста черкасский кн. М.И. Вишневецкий и воевода серадзский О. Лаский не пропустили турецкое войско, шедшее на Астрахань, через свои земли. В Москву от посла, кн. Г.Ф. Мещерского, из Речи Посполитой уже в июне 1571 г. пришли сведения, что «крымской царь с литовским королем в розмирье же для турских людей, что им король через свою землю дороги к Астарахани не дал» (РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 9. Л. 420 об., см. также л. 418 об.–419 об., 431–432). Возможно, посол собрал несвежие новости, но на фоне интонаций Девлет-Гирея в переписке с Сигизмундом Августом кануна Московского похода эти «новости» отражают ту же напряженность в отношениях Крыма с Коронной и Литвой.

ного)»⁵⁰. Девлет-Гирей направился прямо к Оке и переправился через нее под Калугой. В изложении Девлет-Гирея исчезает один из главных сюжетов, отразившихся в документации Посольского приказа и в разрядах. Хан не комментирует помощь московских перебежчиков-«изменников» в продвижении по владениям великого князя с Дона и Северского Донца к Молочным Водам и затем на Оку. В дискуссии о том, где именно пересек р. Оку крымский хан, появляется свидетельство самого Девлет-Гирея и наказ его послу⁵¹. В наказе Арды-Бердею маршрут очерчен еще более детально. Татарское войско двигалось «до замку Молкгова, до Белева, до Козелска, до Варатына»⁵². По всей видимости, «Молгвом» названа крепость на р. Молочной – Молочных Водах⁵³. С Молочных Вод войско двинулось на Белев, Козельск и Воротынский. Из русских посольских материалов известно, что во время движения по южным окраинам Московского государства к татарскому войску присоединялись «изменники». Их региональная принадлежность говорит о том, что волей или неволей Девлет-Гирея поддерживали дети боярские, несшие службу в захваченных регионах: на Молгове к хану присоединился «галичанин» Ашуй Юрьев сын Сумароков, несколько служилых людей, и в их числе «дети боярские белевцы» Кудеяр Тишенков и Окул Семенов оказались в войске хана в районе Белева. Козельск и Воротынский имели стратегическое значение для хана и, по его словам, были взяты татарами на пути к Калуге. Отдельные дети боярские региона также поддерживали татар: «калужане» Ждан и Иван Васильевы дети Юдинковы, «коширяне» Сидор Лихарев Сотник и «серпуховитин» Русин и еще «десять человек их людей» [13, с. 271; 28, с. 425].

Из Белева пленный сын боярский Федор Жуков предлагал хану сразу двинуться на Москву. Судя по посланию Девлет-Гирея Сигизмунду II, хан оценивал поход как стремительный бросок к Москве. Однако упоминаемые в московских источниках советы хану «изменников» – пленным идти на Москву и споры в окружении крымского царя свидетельствуют о том, что, приближаясь к столице, татары разоряли богатые южные регионы Российского государства. Именно на этом фоне было принято решение отправиться на «козельские места» из Белева и лишь затем на Воротынский, Калугу и Серпухов [20, с. 196–197].

Калужскую крепость Девлет-Гирей приказал сжечь. Татары переправились через Оку у Калуги и столкнулись с московским войском под командованием кн. М.И. Воротынского. Видимо, имя Воротынского здесь, как и в рассказе о сражении под Москвой, выступает на месте известного источнику московского происхождения опричного воеводы Я.Ф. Волынского, вое-

⁵⁰ Приложение VI. S. 33.

⁵¹ Ср.: [13, с. 271]. А.А. Зимин полагал, что хан переправился через Оку после разгрома опричного отряда Я.Ф. Волынского под Серпуховом. См. также: [28, с. 425–426, 548]. На основе «Книги Большому Чертежу» и разрядных книг установлен «брод Быстрой» как место «в окрестностях Кром», где в 7079-м, то есть 1571 г., «лезли татаровя». Нельзя исключать, что в каких-то местах татары шли отдельными отрядами и переправлялись через Оку неоднократно. Однако из слов Девлет-Гирея в послании Сигизмунду II следует, что хан направил свое войско «просто до реки Оки» и переправился через реку единожды – под Калугой. См. Приложение VI. S. 33.

⁵² Приложение VII. S. 35.

⁵³ Диграф *кз* в слове «Молкгова» обозначает взрывную *г* в противовес фрикативной *г*.

воды опричников, потерпевших поражение от войска Девлет-Гирея под Серпуховом. Московское войско потерпело поражение, и после него Иван IV с сыновьями Иваном и Федором бежал на Белоозеро⁵⁴. Эта информация приведена и в письме Девлет-Гирея, и в наказе Арды-Бердею, и, видимо, была получена ханом на допросах пленных. Показательно, что именно эта версия была позднее донесена до Рима нунцием В. дель Портико [34, с. 231]. Московские источники сообщают лишь, что царь, опасаясь окружения, уехал из Серпухова в Бронницу и Ростов. В наказе Арды-Бердею Девлет-Гирей подробнее раскрывает события между битвой с «кн. М.И. Воротынским» и побегом Ивана IV. Узнав от пленных о нахождении великого князя, хан двинулся к Серпухову. Царь Иван получил сведения о приближении татар и отступил, по словам русских пленных, в Москву. В наказе Арды-Бердею говорится, что Девлет-Гирей «притягнул», то есть подошел к Москве из Серпухова «девятого дня»⁵⁵. Если исходить из отсчета от 24 мая, когда татарское войско подступило к Москве, из Серпухова хан Девлет-Гирей выдвинулся 15 мая. Можно предположить, что битва под Калугой, отстоящей от Серпухова примерно на 90 км, произошла еще двумя-тремя днями ранее – 12 или 13 мая. Эти сведения заставляют пересмотреть сообщения о роли Ивана IV в событиях, разыгравшихся еще до того, как он – 16 мая – направился из Александровской слободы в Серпухов [ср.: 20, с. 200–202].

На фоне хорошей осведомленности Девлет-Гирея о положении дел в стане противника показательны приведенные им данные о численности русского войска. Его главнокомандующим он считает кн. И.Д. Бельского, у которого в подчинении или в поддержке были другие важные князья («и з некоторыми значными князи») ⁵⁶. Выражение «князи» может быть калькой для обозначения высокопоставленных родовитых придворных, однако титулованная знать занимала первые позиции в московском войске в мае 1571 г. В походе из Москвы к Серпухову командовали сторожевым полком боярин В.П. Яковлев, передовым – кн. М.Т. Черкасский, государевым – кн. Ф.М. Трубецкой. В Москве по улицам стояло войско во главе с кн. И.Д. Бельским. Вторым после него в большом полку был М.Я. Морозов. Полком правой руки командовали кн. И.Ф. Мстиславский и И.В. Шереметев Меньшой. Передовым – кн. М.И. Воротынский и кн. П.И. Татев. Во главе опричного полка был кн. В.И. Темкин Ростовский [13, с. 272; 20, с. 189–190]. Место Бельского после его гибели занял кн. И.Ф. Мстиславский. Ни о ком из опричного руководства

⁵⁴ Приложение VI–VII. S. 33, 36.

⁵⁵ Приложение VII. S. 35, 36. Сохраняется гипотетическая возможность, что, говоря о «девятом дне», Девлет-Гирей подразумевал девять дней, отделявших момент составления наказа Арды-Бердею от подхода крымского войска к Москве. Однако в таком случае неясно, с какого момента отсчитывается время в словах о том, что в окрестностях Москвы татары воевали «ровно шесть недель». Невозможно, что от подхода татар к Москве до отправления ханом посольства к Сигизмунду II прошло и 9 дней, и 6 недель. Невероятно и то, что в последнем случае говорится обо всем Московском походе на 24 мая как о завершенном в течение 6 недель, поскольку из слов Девлет-Гирея ясно, что ограбление городов «около Москвы» после сожжения столицы только началось. Если принять за *datum post quem* исходных посольских материалов не ранее шести недель с момента сожжения Москвы, то слова о «девяти днях» могут относиться только к периоду, затраченному татарами на переход из Серпухова к стенам Москвы.

⁵⁶ Приложение VI. S. 33.

хан не знал или считал, что опричниками командует кн. М.И. Воротынский, в действительности в опричнину не входивший.

Девлет-Гирей приписывает себе победу над крупным московским войском. Впрочем, вряд ли он стремится поразить воображение короля, когда приводит цифры: 40–50 тыс. войска и 5 тыс. стрельцов выступили навстречу татарам, когда они подошли к Москве⁵⁷. Представителю Речи Посполитой Иван IV позднее говорил всего о 6 тыс. русских воинов, готовых противостоять татарам [29, с. 296; 28, с. 425]. Однако показательно, что царь противопоставляет эту цифру той, которая получила распространение в Европе. Ф. Тьеполо слышал от крымского посла, что разгромлено 60-тысячное московское войско [1, с. 388; 28, с. 427]⁵⁸. Анонимный немецкий автор «Краткого достоверного известия и общего обзора прошедших историй и деяний, случившихся в последнее время в 1570 и 1571 годах в Москве и в России» писал о 40 тысячах разбитых москвитях [16, с. 140; 9, с. 194; 20, с. 190–191]. По всей видимости, в обоих случаях перед нами реакции на цифры, которые приводит Девлет-Гирей в своем письме Сигизмунду II и посольском наказе Арды-Бердею. Минимальное число называет сам хан в письме – 40 тыс. Максимальное число, получаемое при сложении «войска» и «стрельцов» в этом сообщении, – 55 тыс. Эту цифру могли «округлить» до 60 тыс., и в таком виде ее услышал царь Иван. Его слова о «6 тысячах» точнее соотносятся с сообщением Девлет-Гирея о первом крупном столкновении с царским войском в районе Калуги. Там, по сведениям хана, татарам противостояло около 10 тыс. воинов⁵⁹. Эта цифра вполне отвечает словам царя Ивана о противостоянии 6 тысяч «моих» 40 тысячам «татар». В реляции Девлет-Гирея в Стамбул приведена именно эта цифра о московской пехоте – 6 тыс., тогда как численность конницы по сравнению с реляцией в Речь Посполитую сокращена до 30 тыс. [9, с. 194; 20, с. 204].

Московское войско не успело стянуться к Серпухову, что и послужило основанием для царского гнева, спешного отступления царя после битвы под Калугой и было одним из самых острых моментов в последующем судебном расследовании [28, с. 424–425]. На пути к Москве татарскому войску приходилось отбивать нападения московских отрядов, что Девлет-Гирей преподносит как особую тактику противника. По стопам москвитов татары вышли к Москве. Хан фиксирует этот момент предельно точно: «И мы якобы о снеданной године о пол о тры приехали есмо до Москвы»⁶⁰. Выражение «о снеданной године» означает буквально *во время завтрака* или *к завтраку*⁶¹. Затем указано точное время «о пол о тры», то есть в половину третьего часа утра. Поскольку в сообщении хана нет указаний на существенные перерывы

⁵⁷ Приложение VI–VII. S. 33, 35. В письме Девлет-Гирей говорит неопределенно о 40 или 50 тысячах воинов, в посольском наказе вновь появляется модус приблизительности, когда говорится о примерно 50 тыс. земцев в битве под Москвой.

⁵⁸ Польский летучий листок от 14 июля 1571 г., вероятно, опирался также на сообщения, доходившие из-под Москвы от крымского хана. Об этом «листочке» и сопровождающих его материалах см.: [10, с. 39–40].

⁵⁹ Приложение VII. S. 35.

⁶⁰ Приложение VI. S. 33.

⁶¹ Ср. польск. *o godzinach śniadanych* в значении – во время завтрака: [47, s. 324].

между последующими событиями, приход татар под стены Земляного города пришелся, видимо, на утро 24 мая. Восход солнца в этот день в Москве произошел около 3.57 утра, следовательно, крымское войско подошло к городу около 6.30 утра и тут же вступило в бой со стрельцами. Они были разгромлены или оттеснены уже через час, то есть, условно, к 7.30⁶². После этого «войско одержаться не могло»⁶³. Русские источники несильно противоречат этим сведениям. Основное сражение закончилось «в пятом часу», то есть около 8.00 утра или чуть позже [20, с. 206]. В посольском наказе драматичный момент битвы за Москву, известный и по ряду других источников, представлен значительно подробнее, чем во втором послании в изучаемой подборке. Хан подошел к Москве с юго-запада и остановился у Новодевичьего монастыря («Девеского монастыря»)⁶⁴. Татары расположились на холме и встретили царское войско. Состав противника описан необычно. По словам хана, 5-ю тыс. опричников-стрельцов командовал кн. М.И. Воротынский, чье имя фигурирует в отчете вместо опричного воеводы кн. В.И. Темкина Ростовского. Основное «великое» 50-тысячное земское войско возглавил кн. И.Д. Бельский, которого Девлет-Гирей или переводчик его наказа путает с дядей царского боярина, известным эмигрантом кн. С.Ф. Бельским.

Царские полки подходили с двух сторон. С «левой руки» к Язуе хан отрядил против опричников двух своих младших сыновей царевичей Адель-Гирея (Адыл- или Адиль-Гирея) и Алып-Гирея (Алп-Гирея), а против земцев по «правую руку» направил своего старшего сына, царевича Магмет-Гирея (Мехмед- или Мухаммед-Гирея). Оба царских войска были разгромлены «на голову». Бельский бежал в «замок». О том, как отбивался передовой полк кн. М.И. Воротынского, в сообщениях хана ничего не сказано, поскольку Девлет-Гирей убежден, что Воротынский возглавлял опричников, а о последующем преследовании Воротынским отходящих крымчаков хан ни словом не упоминает. Согласно разрядным записям, опричный полк во главе с кн. В.И. Темкиным Ростовским стоял «за Неглинною», а земский передовой полк Воротынского – «на Тоганском лугу против Крутицы» [28, с. 427; 20, с. 202–203]. Убежденность Девлет-Гирея в том, что его младшие дети сражались против опричников Воротынского, может быть как ошибкой, так и результатом сражений татар на правом фланге против обоих полков, не выдержавших натиска крымчаков и отступивших⁶⁵. Можно предположить, что в какой-то момент полк опричников и передовой земский полк соединились, но все же не смогли противостоять татарам. Когда царские войска отошли по обе стороны боевых действий, хан отдал приказ поджечь окраины Москвы. Огонь

⁶² Иная хронология битвы предложена В.В. Пенским и Т.М. Пенской, исходящими из предположения, что татарское войско подошло к Москве во второй половине дня 23 мая. Ср.: [20, с. 203].

⁶³ Приложение VI. S. 33.

⁶⁴ Приложение VII. S. 35. В литературе встречается мнение, согласно которому ставка Девлет-Гирея под Москвой находилась неподалеку от с. Коломенского или в самом Коломенском. Материалы переписки хана с Сигизмундом II это мнение не поддерживают. Ср.: [28, с. 426; 20, с. 203].

⁶⁵ См. также ряд полемических замечаний об оценке столкновений московских полков с войском Девлет-Гирея как крупной битве: [6, с. 226–231].

быстро распространился на жилые районы в границах Земляного города и дошел до Кремля.

Слова Девлет-Гирея о том, что татары подожгли город «зо всех сторон», означают, что Москва была окружена татарами. Однако сколько времени ушло на обход кремлевских стен, из текста письма неясно. Можно лишь предположить, что город был подожжен в день прихода татарского войска. Из посольского наказа Арды-Бердею следует, что это произошло сразу после битвы с полками Бельского и Воротынского. Как и ряд других источников, хан обращает внимание на загоревшиеся склады с порохом и амуницией⁶⁶. В начавшихся пожарах погорело много воинов, запылали Кремль, дворцы и казна. Слова «замок ся загорел... и зложенья скарб въ все» в послании Девлет-Гирея являются, видимо, частично искаженным вариантом текста из наказа Арды-Бердею «замок и палаты и скарбы все» (в обоих текстах слова «зложенья» и «палаты» взаимозаменяемы)⁶⁷. Потонуло или сгорело много людей. Часть воинов спаслись из «верхнего замка», уходя через башни и ворота («бронями и вороты»)⁶⁸. Многие утонули, пытаясь переправиться через Москву-реку. Хан, по его словам, решил уйти, не выдержав смрада от сгоревших людей. Из его реляции следует, что причиной ухода послужил не только исходящий от города запах, но и гибель в пожаре «всех» ценностей. Татарам нечем было поживиться на пожарище, и они направились грабить другие земли поблизости от Москвы.

Ряд топонимов, отразившихся в послании и посольском наказе Девлет-Гирея, уточняют сложившиеся представления о течении битвы 24 мая 1571 г. Ставка хана расположилась на холме у Новодевичьего монастыря. Битва против опричников произошла у р. Яузы, которую хан называет «озером». Под Московским замком Девлет-Гирей, по всей видимости, понимает основные укрепления Земляного города. Это позволяет предположить, что сильные пожары начались после того, как огонь охватил склады с боезапасами в укреплениях Земляного города. Особое упорство проявили воины верхнего замка («замочок вышний»), который Девлет-Гирей называет «Болат» (от тюркск. из перс. فولاد, то есть Стальной). Так мог быть назван Московский Кремль. Сам верхний замок сгорел, но часть оставшихся в нем воинов великого князя сумели спастись.

«Ровно шесть недель» татарское войско разоряло окрестности, опустошив ряд городов и уездов. Крымская посольская книга № 13 сообщает о том, что хан ушел из-под Москвы «ввечеру» того же дня, когда город горел, «и, идучи из земли, многих городов уезды вывоевали, а у иных городов и посады пожгли»⁶⁹. Говоря о шести неделях, хан, видимо, подразумевает только набеги,

⁶⁶ Видимо, в значении «склад» приводится слово «спиж», ср. польск. *spiża*: [47, s. 348–349].

⁶⁷ Приложение VI–VII. S. 33, 35. Слово «палац», ср. польск. *palac* – дворец, богатое имя: [57, s. 44–46].

⁶⁸ Приложение VII. S. 36. Слово «бронь», ср. с польск. *brona*, то есть крепостные ворота: [55, s. 438–440].

⁶⁹ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 13. Л. 400, публ.: [22, с. 324]. См. также: [6, с. 226].

осуществленные уже после сожжения Москвы, а следовательно, этот период следует датировать 24 мая – 5 июля 1571 г. Девлет-Гирей заявляет, что в течение этих шести недель взрослых мужчин в плен не брали, убивали всех, а захватывали только женщин и детей. Вероятно, шесть недель отделяли сожжение Москвы от выхода хана Девлета в Поле, откуда и было направлено посольство Арды-Бердея в Речь Посполитую. Если принять сообщение о шести неделях как *datum post quem* составления оригинала второго послания и посольских материалов, то датировать их можно 5 июля 1571 г. или вскоре после этого времени, когда татарское войско находилось в Степи на пути из Московского похода. Из ответа Селима II на победную реляцию крымского хана ясно, что набеги и грабежи продолжались все же меньше – 18 дней [9, с. 194; 20, с. 224. Прим. 96]. Между двумя сообщениями может не быть расхождений, поскольку хан говорит все же о разных событиях – Сигизмунду II об общей длительности похода до выхода в Степь, а Селиму II о продолжительности грабежей и порабощения до начала организованного отступления в Степь. Когда 15 июня в селе Братошино Иван IV принимал крымских гонцов, Девлет-Гирей был еще недалеко от Московского государства. Еще 7 июня он отправлял в поход Мастафу-агу, расположившись лагерем на Каменном Броде на р. Уперте недалеко от Тулы⁷⁰. Показательно сходство в содержании обращений к польскому королю и московскому великому князю. Хан обвиняет обоих монархов в трусости, в переводах фигурирует одно и то же оскорбительное «стыд» в адрес обоих от лица хана. Оба должны были платить дары-«упоминки», а по сути – дань в Великую Орду. И обоим, королю и великому князю, крымский хан угрожал на будущее, если они не выполнят его условий.

О реакциях на посольские миссии Туманука и Арды-Бердея в Речи Посполитой еще предстоит узнать подробнее⁷¹. Следы татарских миссий прослеживаются по посольским счетам Короны Польской. Одна из выплат выделена на посла к Девлет-Гирею Юрия Быковского (“Georgii Bykowski”) и относится к 12 июля 1571 г.⁷² Это ответная миссия, однако из скупых бухгалтерских записей Архива Королевской Казны невозможно понять, с кем из татарских гонцов или посланников отправился в путь Быковский.

В той же подборке счетов отложился польскоязычный список московских населенных пунктов, разрушенных во время Московского похода войска Девлет-Гирея 1571 г. под названием «Московские города и замки,

⁷⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 13. Л. 400 об.–401 об., публ.: [22, с. 324–325].

⁷¹ В отчетности Королевской казны сохранились сведения о выдаче дамасской ткани (адамашка) татарскому посланнику (“Nuntio Tartarogum”) по имени Захарий 56 зл. Выплаты на татарских послов назначены за тот год Хашамби-чаушу – 3591 зл. 16 гр. 9 пн., Захарию в размере 4885 зл. 14 гр., Джан-Ахмет Челибею – 840 зл. 24 гр. (AGAD. ASK. Dz. 1. K. 169v, 207v). Выплата послам за 1571 г. включает значительную сумму на московское посольство от 31 марта 1571 г. – 4133 зл. 12 гр. и многократно меньшую – 486 зл. – на татарское. Точной даты этой выплаты в реестре нет. Возможно, татарский представитель был «легким» гонцом, и его миссия относится примерно к тому же времени, что и московское посольство. Впрочем, это – в обеих частях – только предположение (Ibid. № 351. K. 11).

⁷² AGAD. ASK. Dz. 2 (Rachunki poselstw). № 12. K. 16–16v (“Expeditio praecursoris in Ordam ad caesarem Praecopsen[sem] a Sac. M. R-gae”).

опустошенные перекопским царем в 1571 году» (“Miasta y zamky moskiewskie przez szara przekopskiego spustoszone w roku 1571”)⁷³. Список состоит из трех частей – сверху указана одна «Москва, первый город, он же самый главный» (“Moskwa miasto pierwsze ktore yest naglownieysze”). Затем в два столбца приведены на одной странице названия городов. В левом столбце названы Карачев (Karaczow), Орел (Orol), Болхов (Bolhow), Одоев (Odoiow), Лихвин (Lichvin), Мещерск (Mieszczorsk), Мещера (Mosczia), Калуга (Kolurza), Серпейск (Sierpiest), Мосальск (Moszalesk), Воротынский (Wrocimierz), Медынь (Miedyc), Кременец (Кременск) (Krzemieniecz), Можайск (Moszaisko). В правом – Вышгород-на-Яхроме (Wiszogoroth), Нерехта (Niereia), Старица (Staricza), Серпухов (Sierpuchow), Тула (Thulla), Дедилов (Dziedzilow), Новосиль (Nieniowa), Алексин (Alerxein), Ярославль (Jaroslaw), Ростов (Roszowa), Тверь (Thier), Белев (Beliowa). Ныне известных посольских материалов Арды-Бердея 1571 г. было явно недостаточно, чтобы составить этот список. В его основу положен какой-то независимый русский источник, а цель списка, прежде всего, пропагандистская. Он должен был внушить польским властям, насколько масштабным было разорение московского царя. Однако его информация хранит ценные сведения о глубине татарских разъездов, согласуется со словами из московской посольской книги о разорении крымским войском многих городов, посадов и уездов и заслуживает специального источниковедческого исследования.

Сведения о походе многотысячного татарского войска против московитов и сожжении Москвы докатились до европейских летучих листков, депеш, секретных отчетов и исторических хроник. Однако уникальные сведения и предположения Девлет-Гирея о ходе весенне-летней кампании на большей части открытых свидетельств не отразились или отразились очень слабо [42, S. 131–132]. Кн. А.М. Курбский, близкий к королю Сигизмунду II Августу и литовскому канцлеру М.Ю. Радзивиллу Рыжему, неоднократно в своих сочинениях ссылаясь на сожжение Москвы 1571 г. как на трагедию и Божественную кару за грехи царя и Святорусской христианской республики-империи. Однако в упоминаниях Московских походов Девлет-Гирея и роли кн. М.И. Воротынского в их отражении на страницах «Истории о князя великого московского делех» невозможно найти прямых аналогий с сообщениями крымского посольства [18, с. 128, 146, 649 (примеч. 74 об.–⁷⁴), 724–725 (примеч. 87 об.–⁷⁵)]. Отзвуки крымских победных реляций слышны в тайных свидетельствах агентов Священной Римской империи и Папского престола. В стане польского короля очень скоро возникли новые тревоги. В конце июля 1571 г. Сигизмунд II Август делился с герцогом Альбрехтом Бранденбургским сведениями о том, что царь Иван собирается купить вооружение и нанять воинов из Германии⁷⁶.

⁷³ Ibid. К. 24.

⁷⁴ Автор – К.Ю. Ерусалимский.

⁷⁵ Автор – А.В. Виноградов.

⁷⁶ GStA PKB. XX. HA. HVA. Kasten 326. B1. № 1220. F. 1 (Фолиация наша, условная), публ.: Elementa ad fontium editiones. T. XXXII: Documenta ex Archivo Regiomontano ad

Таким образом, мы имеем дело с уникальным свидетельством, доносящим в редакции дипломатического ведомства Великого княжества Литовского отчет крымского хана Девлет-Гирея I о подготовке к походу на Московское государство и результатах военной кампании. Первое письмо Девлет-Гирея Сигизмунду II Августу составлено в Перекопе около 5 апреля 1571 г. Второе хан Великой Орды составил уже из Степи на обратном пути после похода, закончившегося, по всей видимости, не позднее 5 июля 1571 г. В конце июня – начале июля крымский правитель счел поход исчерпанным и отправил посла в Речь Посполитую, стремясь разрушить перемирие между Сигизмундом II и Иваном IV и рассчитывая, что польский король откажется от покровительственной политики в отношении Крыма и вернется к выплате даров, которые не поступали в бахчисарайскую казну на тот момент уже более трех лет.

Можно лишь наметить предварительные итоги для более широкого обобщения. Сборники с крымско-казанской перепиской из Варшавского архива и Библиотеки Чарторыйских восходят к архиву литовского канцлера воеводы виленского М.Ю. Радзивилла и, предположительно, представляют собой часть единой ретроспективной подборки, востребованной в ходе обострения крымско-литовских отношений. Последовательность датированных посланий в ее составе может быть реконструирована следующим образом:

ВА № 3294, с. 5 – Сахиб-Гирей – Сигизмунду I. Около 1521–1524 гг.

БЧ № 2893, с. 21 – Сафа-Гирей – Сигизмунду I. Весна – лето 1524 г.

ВА № 3294, с. 1–4 – Сафа-Гирей – Сигизмунду I. Весна – лето 1524 г.

ВА № 3294, с. 4–5 – Сахиб-Гирей – Сигизмунду I. Июнь – июль 1530 г.

БЧ № 2893, с. 19–20 – Сахиб-Гирей – Сигизмунду I. Сентябрь – октябрь 1537 г.

БЧ № 2893, с. 20–21 – Амин-Гирей-Салтан – Сигизмунду I. Сентябрь – октябрь 1537 г.

БЧ № 2893, с. 22–24 – Сигизмунд I – Сахиб-Гирею. Конец декабря 1537 г. – Начало января 1538 г.

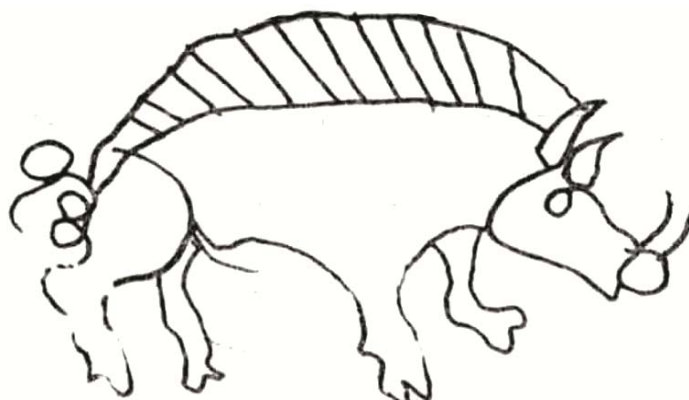
Венчают в известном нам виде эту подборку два послания Девлет-Гирея I Сигизмунду II Августу и материалы посольства Арды-Бердея. Первое послание отправлено ханом еще в канун похода на Москву, около 5 апреля 1571 г., тогда как второе послание и наказ Арды-Бердею венчает успешную для хана войну и относится, по нашему предположению, примерно к 5 июля 1571 г. Судя по этой периодизации, поход Девлет-Гирея длился в общей сложности около трех месяцев. Реляция о походе содержит ряд неизвестных из других источников сообщений о маршруте движения крымского войска и битвах с московскими воеводами. В Посольских счетах Королевской Казны Варшавского архива обнаружен список разоренных ханом 27-ми городов Московского

Poloniam spectantia. III Pars / ed. C. Lanckorońska. Romae, 1974. P. 241 (Сигизмунд II Август – Альбрехту Бранденбургскому. Варшава, 26 июля 1571 г.): “Non unis bonorum hominum, nostrae qui Reipublicae bene volunt, literis certiores facti sumus, sed rumor etiam ipse quasi nos admonet Magnum Moschorum Ducem modis omnibus dare operam, milites ex Germania ut conscribere quam plurimos possit, atque per Illustritatis Vestrae ditionem multos quotidie proficisci, sua ut Moscho nomina dent, intelleximus”.

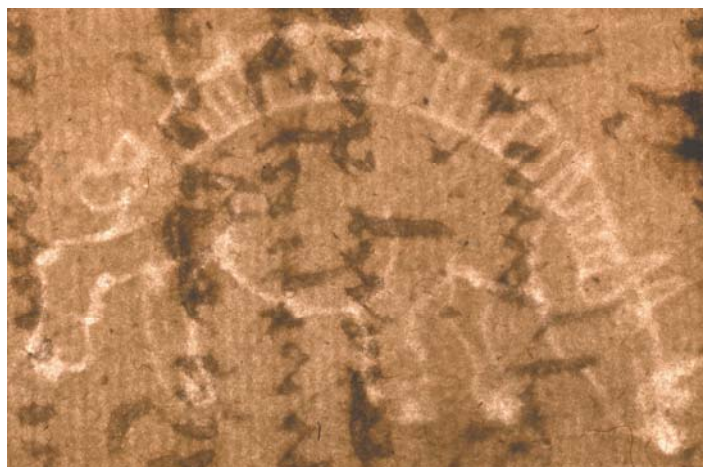
государства. Цель этого списка была, прежде всего, пропагандистская. Впрочем, он отражает не только движение войска к Москве, но и ряд городов с уездами, которые были разорены уже после сожжения Москвы 24 мая 1571 г.

Польско-литовская дипломатия видела в притязаниях крымского хана нарушение дипломатического этикета и подборкой актов отстаивала традиционные иерархические отношения между польскими королями и крымскими ханами, которые победитель Москвы в 1571 г. демонстративно проигнорировал. Одна из задач крымского хана на тот момент заключалась в том, чтобы разрушить перемирие короля Сигизмунда Августа с Иваном Грозным и спровоцировать Варшаву на войну с Москвой. Крымская дипломатия начала 1570-х гг. тесно увязывала договоренности с Речью Посполитой о сотрудничестве и взаимопомощи с перспективой восстановления Казанского и Астраханского ханств и обязательствами польско-литовских правителей выплачивать в Крым дары – «упоминки». Однако своих требований к Ивану IV передать под власть Гиреев Казань и Астрахань хан с Сигизмундом II не обсуждает, отговариваясь накануне похода на Москву неясным намеком об ответственности предыдущих правителей за падение поволжских улусов, а проблему даров превращает в главный предмет шантажа. Призыв к королю вступить в войну с Москвой звучит в посланиях Девлет-Гирея на фоне готовящейся войны христианской лиги против Османской империи, в которой Русское государство, наряду с Речью Посполитой, рассматривалось в Риме как партнер и участник коалиции.

Своим шантажом в адрес Сигизмунда Августа Девлет-Гирей создавал прецедент для возможного в дальнейшем выхода из коалиции с польско-литовским монархом, восстанавливал равенство в дипломатической иерархии между Бахчисараем и Варшавой и попутно разрушал хрупкое равновесие в отношениях Речи Посполитой с Русским государством. Послания Девлет-Гирея Сигизмунду II послужили источником ряда распространившихся в Европе слухов о Московском походе крымских татар, в частности информации В. дель Портико о победе царя Ивана и Ф. Тьеполо о численности московских войск. При этом в сообщениях Девлет-Гирея обнаруживается ряд других уникальных свидетельств, дополняющих наши знания о походе крымского войска и его последствиях и нуждающихся в тщательном источниковедческом исследовании. Заслуживает специального изучения и вопрос о расхождении между победными реляциями, направленными в Речь Посполитую и в Османскую империю. Требуется пересмотра в свете новых данных и вопрос о продолжительности похода 1571 г., его географический охват и масштаб ущерб, нанесенного Русскому государству.

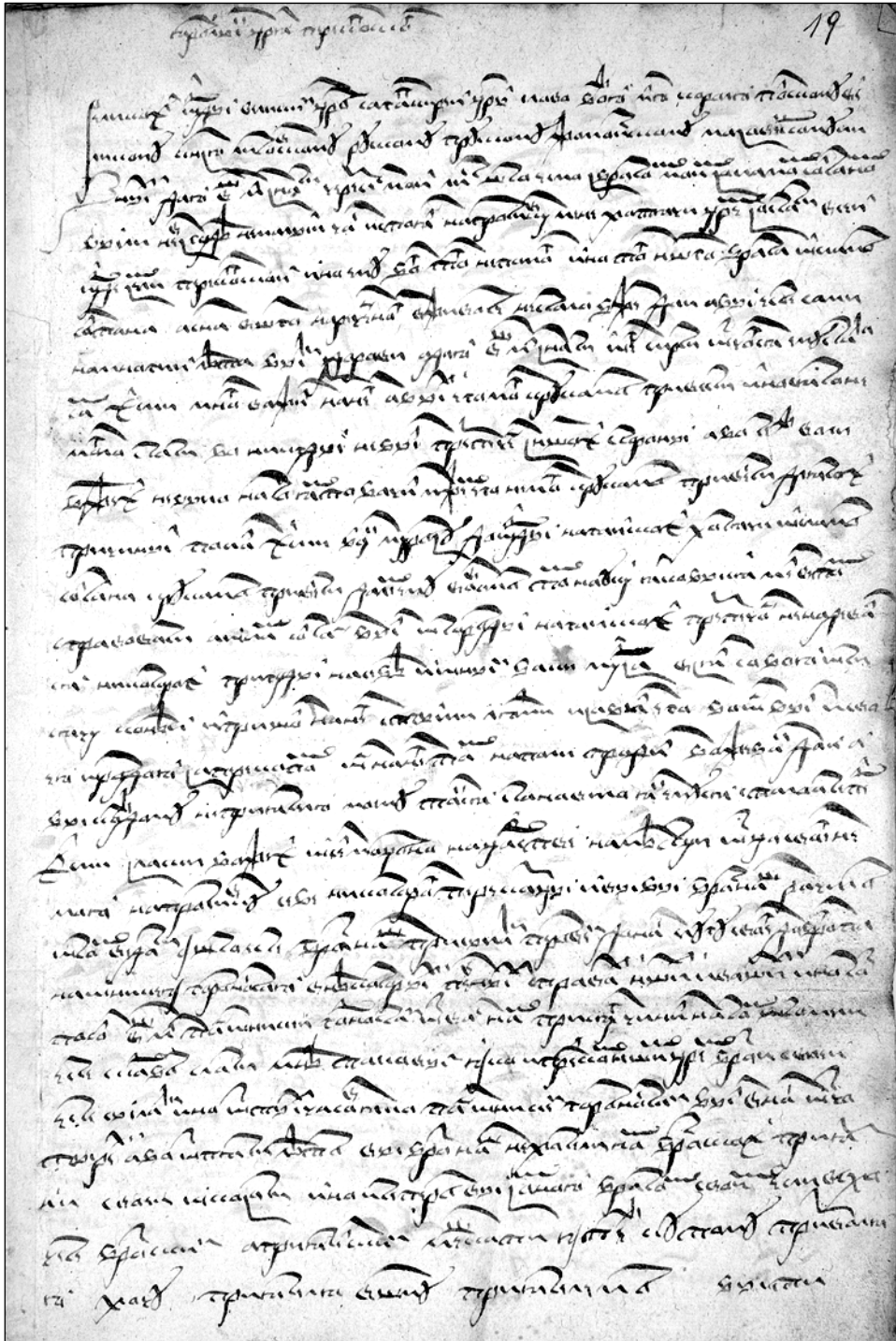
Водяной знак из альбома Лауцявичюс № 3666
A watermark from the Laucevičius album № 3666

Водяной знак из рукописи AGAD. AR. Dz. II. No. 3294. K. 5
A watermark from the manuscript AGAD. AR. Dz. II. No. 3294. K. 5

Водяной знак из рукописи BCz. No. 2893. S. 19–20
A watermark from the manuscript BCz. No. 2893. S. 19–20

Рукопись BCz. No 2893. K. 19
 The manuscript BCz. No 2893. K. 19

Приложение

Тексты публикуются по рукописи Библиотеки Чарторьских в Кракове (Biblioteka ks. Czartoryskich, rękopis 2893, s. 19–24, 31–36).

В публикации-воспроизведении сохранены все кириллические знаки оригинала и титла. На страницах 19–24 буква «е» принята для «е» источника, буква «у» – для «х», буква «я» – для «а». Прочтение сходных по написанию в ряде мест букв «о» и «а», «ю» и «я», «ө» и «в» не комментируется. На страницах 31–36 буква «е» принята для «е», буква «у» – для «х» и «у», буква «я» используется для «а» и отличается от «а». Выносные буквы для обоих фрагментов обозначены подчеркиванием, выносные под покрытием – подчеркиванием и курсивом. Диакритические знаки при передаче текста не учитываются. Публикация выполнена лист в лист, строка в строку. Разбивка на предложения, различие строчных и прописных букв, знаки переноса и все знаки пунктуации привнесены публикатором.

В упрощенной расшифровке сохранена только буква «ѣ», все остальные буквы, вышедшие из употребления, заменены современными аналогами. Устранено деление на строки. Впрочем, реконструкция является условной, поскольку опирается на нормы огласовки современного русского языка с использованием ряда форм, характерных для русской «простой мовы» XVI в. Используется краткий «й», дополняются окончания родительного падежа «-г» до «-го», вносятся конечные смягчения с помощью буквы «ь» (в том числе – вместо буквы «ъ»), конечные «ъ» устранены.

Воспроизведение текстов:

[1]

(с. 19) Ярьлыц црѣ перекодског

Великие Сурды великии црѣ Сагал Кирии црѣ слово. Божю мл-ю королю пол-скому, великому кнзю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому, мазовецкому и иных. Даю ви мл знати через сес мои лист, што есмо з братом моим з Асламом Салтаном

были е незгодѣ немалыи час. И стоял напротивку мене, хотячи црем зостати всеи

Сурде земли Перекодской. Ино ему Бог тог не помог и на тог ниго брата Ссламъ

Салтана а сна виго нареченног в животе не стало. Бже даи, абы есте сами на многии лѣта были здорови. А даю ви мл знати в ег смерти⁷⁷, вт чог ся ему стала.

Сам есми мног важил на нег, абых его мог к рукамъ привести и на ся то не могло стати, бо никгды не был презпечен з ншое стороны або теж воли Бжие не было на то. Я-м то бачил, иже-м его не мог к рукамъ привести. Для тое причины послал есми Бак-мурозу до Сурды Нагаиское, хотя не Ссламъ Солтана к рукамъ привести. Далем ему во всемь там науку, яко бы ся мел в том справовати. А Сслам Солтан был вт Орды Нагаиское презпечон. Не надевал

⁷⁷ Буква е не читается или ме лигатурой.

ся никоторое пригоды на себѣ. И вныи Баки-мурза взял собою в тысячу конѣи и пришол на нег с тыми людми и забил его Бакии был и своею Сурьдою за Перекопом вн на нег там на поли справил. Боже, са се даи, абы кождому неприятелю моему так ся становило, як ему ся стало. Тепер есми з ласки Божие всед мощно на царстве на мѣстци втца своег, не маю напротивку себе никоторог переказцы. И вы бы, брат наш, рачиль в том ведати. А што есте, брат наш, присылали перьвеи до нас слугу своег доброг па-

на Сѳникея Горьностая в нѣкоторых певных справах нших и ваших. И на том посол вш мл пан Сѳникеи Горностаи вт вас нам присягу чинил на том, што мели

есте скарбѣ слати мнѣ таковыи, яко и предком ншим, црем, брати своеи есте съслали. Ино вт тых часов, яко пан Сѳникеи Горьностаи был в нас вт чотырех або вт пяти лѣтъ, вы, брат наш, не хотели нам братское приязни своеи вказати. Ино и теперъ вы зо мною, братом своим, если всхочете братскии а приятелскии мешкати, я теж ку тому призволяю, хочу приятелю вшму приятелемъ быти,

(s. 20)

а неприятелю неприятелем. Сѳслам-Солтаном перьво ся есте вымовляли. А теперъ ся не маете ким вымовляти. А с нами бы есте наконецъ вчинили, если вы, брат наш, будете с нами волю мети братскии а приятелскии мешкати, яко предки вашѣи с предки ншими братскии а приятелскии мешкивали. И вы бы, брат наш, тот скарбѣ мнѣ прислали вт тог часу, которог часу пан Сѳникеи нам вт вас присягу чинил суполна за вси тые годы прошлыи. А если бы есте хотели тот скарбѣ ко мне слати, и вы бы зимою ко мне прислали. А если бы пак хотели есте вткладати ещо до лѣта тот скарбѣ к нам слати, тогды бы есте на мѣне не дивили. Послад есми до тебе, брата ншог слугу своег на имя Текеша. Што будет вам словами вт нас мовити, и вы бы ему верили. Писан тот лист у Кидкели.

[II]

Амин-Кгирей-Салтан слово. Божю мл-ю королю подскому, великому кнзю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому мазовецкому и иных даю вш-и мл знати, што ж брат вшей млсти а втец мой црѣ Сагил-Кирей послал до вш мл гонца своег в здорови вш мл, брата своег, навежаючи в своем павѣдаючи. И я теж для тог послал до вш мл гонца своег на имя Люиша в здорови вш мл, навежаючи а в своем повѣдаючи. А што брат вш мл а втец мой Сагил-Кирей црѣ писал и вказывал до вш мл, брата своег, через посланца своег Текеша, хотячи вшеи млсти приятелемъ быти. Ино я сын ег млсть будучи, видячи ку вам приязнь втца своег, хотячи приятеля вш мл приятелемъ быти а неприятеля вш мл неприязнь свою хочу саблею доводити, бо теперъ з ласки милог Бга брат вш мл а втец мой Сагил-Кирей црѣ неприятеля своег Сѳслам-Салтана казал забити а теперъ в своей mocy всю Сурьду мает. Куды хочет, туды ее может поверьнути. Его мл вжо теперъ не мает напротивку себе никото-

роꙋ переказꙋци. А такꙋ кды вш мл всхочеш з братом своим,

(s. 21)

а вѣцом моим, приятелскии мешкати водле стародавнѣноꙋ вбычая, яко предки вш мл с предки ншѣими мѣшкали, буду теж вѣца своеꙋ на то вести, абы завжды был приятеля вш мл приятелем, а неприятеля неприятелемъ. А то вш мл у короткихъ часехъ сами вбачите. А котороꙋ есми слугу своеꙋ послал до вш мл, вша бы млеть рачил еꙋ борздо до нас вѣпустити.

[III]

Сѣтꙋ црѣя Саѣа-Кирея Казанскоꙋ слово. Божю мл-ю королю полскому, великому кнзю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому, мазовецко-
му и иныхъ, вѣцу моему великому королю. Даю вш мл знати через сес мои лист, што вш мл, втець мои, рачил мене сыномъ наречи еще кгдымъ был у Ворѣде Перекодскои црѣвомъ. А теперь з ласки милого Бѣа всел есми на царѣстве Казанскомъ. И будучи на томъ мѣстцу, хотячи вш мл послугу чинити, ходиломъ самъ своею всобою и зо в-
сею Сѣрьдою Казанскою до земли неприятеля вш мл московскоꙋ и выпустошил ему землю и колкосъ есми замковъ его взял з ла-
ски милогъ Бѣа и за ѳорѣтуною вш мл вѣца моеꙋ и хочу еще напередъ вш мл вѣцу моему лелшими и верънеишими послуга-
ми своими приязнъ свою вказати. А послаломъ до вш мл вѣца своеꙋ посла своеꙋ подскарѣбьезъ своеꙋ Бѣуша. И казаломъ ему ширеи тоꙋ в приязни моеи ку вш мл словомъ повѣдити. И што будетъ вн вѣ мене вш мл словомъ мовити, вша бы мл рачили ему вѣрити, бо то сѣ ншѣи рѣчи а послаломъ до вш мл напередъ тоꙋ посъла моеꙋ гонца своеꙋ на имя Ядикгаря в здорови вш мл навежаючи, а за то вш мл прошу, аж бы вш мл не рачили тыхъ посланцовъ ншихъ у себе долго задерживати а безо мешканя к намъ ихъ вѣпустити. То⁷⁸ лист вѣ к-
роля еꙋ млсти писаныи до црѣя⁷⁹ перекодскоꙋ и посланъ с Крако-
ва толмачомъ Хаикомъ.

[IV]

(s. 22) Сѣтꙋ Жикгимоѣта, короля полскоꙋ и далей⁸⁰. Великое Сѣрьды великому црѣю Сагаѣ-Кирею, брату ншѣому, што присылаѣ еси к намъ гонца своеꙋ Текеша и словомъ через неꙋ усказаѣ и в вѣрьлыквхъ⁸¹ своихъ писаѣ, иж што еси з братомъ своимъ з Ослам-Салтаномъ был в незгодѣ немалыи часъ, што вн стояѣ напротивку тебе, брата своеꙋ, хотячи црѣмъ зостати всеи Сѣрьде, земли Перекодскои. Ино Богъ тоꙋ ему не помогъ. И тоꙋ брата твоеꙋ Сѣслам-Солтана в животе не стало. И даѣ еси намъ, братъ нашъ, знати, вѣ чого

⁷⁸ Перед данным словом в строке отступ в 7–8 букв.

⁷⁹ Буква о частично затерта, буквы цр по затертосту.

⁸⁰ Далее отступ в строке в 3–4 буквы.

⁸¹ Выносная в, возможно, затиралась. Буква я исправлена из другой буквы (е?).

ся ему смерть стала, иж Бакеи-муръза, до Гурды Нагаиское еха^вши и подмови^вши съ собою втмен^ну коней, людеи нагаиских, и пришол на ГСлама и забил е^з, бо вн вт Орды Нагаиское преспечон^н был и не над^ввался⁸² вт них некоторое пригоды на себ^ь. И с то^з ты, брат наш, Бга еалиш, абы кождому неприятелю твоему та^к ся вт Бога стало, яко ся ему стало. А теперь ты, брат наш, з ласки Божее все^д мощно на царьстве на м^ьстцу втца свое^з, не маючи напроти^ку себе некоторо^з переказцы, абы^хмо мы в томъ в^ьдали. Ино, брате, што ГСлам-Салтан, брат твои, с тобою, братомъ ншим в незгод^ь был, то ся нищиее причины д^ьело вдно з упору а з небачности е^з само^з, иж вн видячи тебе, брата свое^з, вт Бога выш^не^з на том^ь столци всажоно^з тебе, брату своему правдиве правым^ь серъцом^ь то^з м^ьсца царьско^з зычити не хотел и проти^в тебе неприязни досы^т не мала вказывал. Што ж Бог выш^нии, справедлив^ьм^ь тую видячи незгodu, е^з своимъ судом^ь Божимъ и справедлив^ьм^ь то^з неприятеля твое^з скарал и тою смертью е^з вморил. То нехаи будет^ь у воли е^з св^той⁸³ млсти. Бж^е, даи, абы ты, брат наш, на томъ царьском^ь столци супокоине мешкаючи, мно^з

(s. 23)

леть здоро^в был и с нами у братской верьной приязни завдин^ь был, бо есма и перьво тебе, брату нш^ьому, как^ь еси на томъ царьском^ь столци сед^ь справедливе и верьне, то^з царьства зычили и теперь то^з тебе верьне справедливе зычим^ь. И што есмо завжды стояли и до ГСлама Салтана через послы и го^нци наши и е^з часто всказывали, напоминаючи е^з, абы вн с тобою, братомъ ншим^ь в доб^ьрой а верьной приязни был и на неприятеля нш^ьо^з и твое^з стояль завдин^ь. А тое неприязни свое^е к тоб^ь, брату своему чинити⁸⁴ перестал, бо вн не то^лко тоб^ь, брату своему проти^вности и неприязни чинил, ал^ь и нам^ь за залеца^немъ и присягами своими николи слова свое^з в правде не дер^ьжал. Болшую сказу, ни^жли помоч^ь землям^ь ншим^ь людьми своими чинил. И еще над^ь то послов^ь нших^ь и го^нцов, николи су помин^ьки к тоб^ь, брату нш^ьому, не допушал. И тыи впомин^ьки в них^ь соб^ь втбирал и великии трудности в томъ посла^мь ншим^ь дельвал, для которое завады и неприязни е^з с тобою, братомъ ншим^ь, николи есмо приязни певное и в^ьсыла^ня через послы ншии мети не могли. А которую приязн^ь и зыч^ность ему е^смо чинили не для то^з, абы вн к нам^ь и к тоб^ь, брату нш^ьому, неприязни чинил, але болши для то^з, абы вн с нами и с тобою, братомъ ншим^ь и своимъ, у доб^ьрой згод^ь и приязни будучи, на неприятеля ншо^з с нами был^ь завдин^ь, ино то^з ничо^з по немъ есмо не взнали. Бж^е, даи, абы кождыи, хто кому братства и приязни и присяги

⁸² Буквы е н из др. букв.

⁸³ Титла нет, однако крышка от буквы т может выступать в функции титла.

⁸⁴ Слово по стертому.

справедливе не здеръжит, тым wt Бгѣ караи был. А што еси писал до нас и через гонца своег вказал и посла своег вѣликог кнзя Бугага к нам прислал, припоминаючи нам, што есмо перво тог посылали к тобѣ, брату ншѣому, посла ншог великог пана Сѣникея Горьностая в некоторых пегныхъ справахъ ншихъ и твоихъ и тот посол нашъ на том тобѣ присегнул, иж быхмо мы⁸⁵ тобѣ, брату ншѣому мели упоминки великии посылати в кож-дыи год и послѣ тог wt кодка лѣт николи есмо к тобѣ, брату ншѣому, с тыми упоминки не посылали. Ино,

(с. 24)

брате, которыи упоминки сужны умовил был тобѣ тот посол наш дати, мы с тыми упоминки послали были к тобѣ посла ншог великог старосту черькаског и каневског пана Василя Тишкевича. А ты, брат наш, всказал до нас через посла своег Девеи-муръзу, абыхмо мы тот упоминог положили в замьку ншѣомъ wtчизномъ в Киеве. А ты, брат наш, мел намъ дать вѣдяти, на котории час мѣли быхмо тот упоминог тобѣ, брату ншѣому, послати, и ты, брат наш, для небезпечности Сѣсламовы самъ же по тот упоминог до нас не посылад. А мы тому послу ншѣому пану Василю Тишкевичу рассказали пред ся к тобѣ, брату ншѣому, з ыншими упоминки ехати. А так и тог посла ншѣог великог Сѣсламъ-Садган к тебе не допустил. И тыи упоминки вси, што есмо были тобѣ, брату ншѣому⁸⁶ послали, в нег собѣ повтбирал. А теперь ты, брат наш, коли в том до нас всказал и посла⁸⁷ своег прислал, абыхмо мы с тобою, братом ншим, в доброй верьной приязни мешкали и на неприятеля ншѣго и твоег с тобою стоял завдин. Мы то wt тебе, брата ншѣог, вдячне принимаемъ и хотим с тобою, братом ншим, в братстве, в приязни и в вечном миру быти. И вперед в том даючи тобѣ, брату ншѣому, ведати с тым листом ншим гонца ншѣог и твоег гонца Текеша к тобѣ wтпустили есмо, а посла твоег⁸⁸ великог, кнзя Бугага, ещо есмо при⁸⁹ собѣ задержали для тог, иж хотим к тобѣ, брату ншѣому з верьною а правдивою приязню с тым послом твоим посла ншѣго великог с упоминки тое зимы, не мешкая, wтправити и послати через которог к тебе, брату ншѣому w всякихъ речахъ добрыхъ и w приязни и w миру вечном ширеи вскажем. И ты бы, брат наш, w том вѣдал⁹⁰.

⁸⁵ Буква м по др. букве.

⁸⁶ Титла нет.

⁸⁷ После слова затерта выносная л под покрытием.

⁸⁸ Буквы тв лигатурой.

⁸⁹ Буква и сходно с а или о.

⁹⁰ После слова росчерк пера сходно с ъ.

[V]

(s. 31) Первыи⁹¹

Великое Сурды волного цара

Давлет Кгериева слова.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату ншбому поклон и братскаа ншбаа приязни. При томъ пишете до нас вы, брат наш, и з великим гневом и нареканемъ, же посол вашъ, брата ншбого, некоторую неправду справивши вамъ, брату ншбому, визнаимилъ, якобых я мель его не учтити, яко на посла принадлежит, якобых я мед его вслепити и некоторых достатковъ его водпугъ вбычаю не полнити. Алем я так его учтид и миловаль, яко на посла принадлежит. Ласку и жаловане ему есмо казали дати. Але послу не годило бы са небылых речеи плодити. Такогово посла и ввшем Пан Богъ скарет, который посол небылых речеи межи двема гсдри плодит. И пишете, якобых мы не мели панства Московского воевати и кожного часу наша шабла не ест поднесена с панства неприятеля ншбого. Завше⁹² без перестаня панству его шкоду чинимъ. Ачъ Казань и Астрахань взато – але не вт нас. И тепер есмо, вземь-ши Пана Бога на помочъ, и потегнуди есмо до земли неприятеля ншбого. А вы, брат нашъ, чи не жалуете того же? Неприятель твои, колкос замков забравши, держитъ, а вы, брат нашъ, так впустивши, ничего не дбаеш и своего доходити не хочешъ. И первеи сего не вднокротъ вы, братъ наш, вбсылади, роки покладали, абых я тегнуд в землю неприятелскую. И вы, брат нашъ, потому жъ вбецуючиса ехати до земли неприятеля, и не ехали, а тепер, естли вы, брат нашъ, похочете в землю неприятеля своего шли, а вт дороги Астараханское аж до сих часов казаки мои нигде у панстве вас, брата нашего, жадное шкоды не чиниди. А так жедаю и напоминаю вас, брата ншбого, абы есте своих козаков⁹³ гамовали. А естли вы, брат ншбъ, своих козаков⁹⁴ гамовати не будете, и мы тежь своих козаков⁹⁵ гамовати не будем. И завжды панству ншому

(s. 32)

козаки вши шкоду чинат. И недавных чсовъ козаки вши, пришедши на улусы, побрали в пятсот домов татар и з жонами и з детми, и зо всею маетностю. И тые казаки вных татар девки и жоны поимовади и тепер их⁹⁶ у себе мают, и тепер кождого

⁹¹ Притисано в левом верхнем углу почерком, современным основному тексту.

⁹² Буква ш из се.

⁹³ 1-я о из а.

⁹⁴ 1-я о из а.

⁹⁵ 1-я о из а.

часу, поза Днепрю⁹⁷ по уласа подошодши, кони и быдло
 втгоняють. И неводнокрот купцовъ из Москвы идучимъ,
 казаки ваши их громили и маетности им побрали, учинили
 шкоды им болшии, нижли на сто тысячеи золотых чирво-
 ных. Завжды без перестанья казаки виши панству нишому
 шкоду чинаџ. И вы, брат наш, до того вымовы неслушные
 до насъ втписуешъ. А тых минулых чсбвъ, которые куццы
 у пацстве вашом ест погромленыи. И дошла ведомост до его
 млости цесара турецкого, же котораа кривда стала подданым
 его млости, яко тых козако⁹⁸ поймано и яко тые маетности
 на реистре написано, и козако⁹⁸ меновите имемми визнамено.
 И которым вбычаем справедливост жедана и вдбывано их – едно
 словы. И такъ узнали правду вас, брата нишого. А вколо
 упоминковъ вы, брат нашъ, вбецуете до нас послати вдного
 году. А я поведаю, же трох год упоминки при вас, брате
 нишомъ, зостало кроме того году, тот год не личечи, которого
 году я угорнуџ, трех год впоминковъ застало. И посылаю
 посломъ того доброго слугу своего на име Туманука. И вы,
 брат нашъ, абы есте тыи упоминки через того посла
 нишого прислали, бо послу за гибел нигде нет. А вдного
 году упоминки вы, брат нашъ, до нас не посылайте. И посла
 моего до мене втпусти, а ку тому кому Пан Богъ допоможет,
 кождыи своего доходити будет. Писан у Перекопе⁹⁹.

[VI]

(s. 33) Другии¹⁰⁰

Великое Сурды водного цра До-
 влетъ Кгиреа слово.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату нишму, поклонъ
 и братскаа ниша приазнь. При томъ, што ж первеи сего межи нами,
 братомъ нишимъ, никоторые нелюбости и многие речи са
 были показали, и з тых причинъ, иж вы, братъ нашъ, козаковъ
 своихъ гамовати не хочешъ и немало подданых нишихъ козаки
 ваши у полонъ побрали и до сихъ часовъ есмо в нихъ не дбали,
 ино быхмо своимъ козакомъ так же быхмо дозволене вчиниди.
 Але важечи зверхности его млсти цесара турецкого, и яко есте
 вскаржили до его млсти цесра турецкого и посла есте своего за
 розказаньемъ его млсти цесара турецкого вынали, што ж
 есте лепшого собе учинили. А к тому трех або чотырох годъ
 упоминко⁹⁸ не прислали, и тые впоминки в тебе, брата

⁹⁶ Все слово над строкой.

⁹⁷ Выносная буква д расположена над строчными буквами по ближе к началу строки.

⁹⁸ I-я о из а.

⁹⁹ Низ рабочей страницы примерно в 7 строк не заполнен.

¹⁰⁰ Приписано в левом верхнем углу тем же почерком, что и слово Первыи на с. 31.
 Буквы др лигатурой.

ншго, zostали. И вземъши есмо млтвнго Бгѧ на помочъ и злетивши всю свою речъ на млстнго Бгѧ его светои млсти, и потегнули есмо в землю неприатела ншго сполочьного, кнѣа московского. И просто есмо до реки Сѣкы ехали. И¹⁰¹ Сѣкы переехали есмо под замокъ Колугою. И подкалнса есмо з воиском. И за помочю Бжѣю воиска напротнску насъ вдержатнса не могли. И втекъ кнѣз великнн аж до столицы. И тамъ вдержатнсе не могъ. И втекъ и з двема сыннн аж на Беловзеро. И кнѣз Белскнн, воевода его, и з некоторннн значнннн кнзн¹⁰² сорокъ або петдесать тнсечнн воиски, а пат тнсечеи стрелцоѡ. И росказаль имъ кнѣз великнн, абы са потыкали з нами. И мы якобы в снעדнннн годнне в поль в тры приехали есмо до Москвы. И за помочю млтнго Бгѧ и почали есмо битву. И за вдну годнну стрелцоѡ побнли, в¹⁰³ воиско вдержатнса не могла. И зо вснхъ сторонъ Московского места запалнли. И загорелоса где были порохи и вшелакаа спнжа зложона. И вт того замокъ са загорель, и много воиска, и вса места погорела. И зложенъа скарбъ въ весь погорель. А наболеи людеи потонуло и погорело. Редкнн се жнз zostаль. И Болат замочокъ вышнннн – и тои се загорель. Толко тые люди, которые в том Болат замочку были, тые люди вышъли, не погорели. И не ведаю, што тому за причина, нж тот неприатель нашъ¹⁰⁴ и вашъ кодко замкоѡ васъ, брата ншго, забраль, а ты

(s. 34)

с тымъ неприателемъ перемире берешъ и ѡ приѣзнн з ннмъ вступешъ. Сороба и встыду не маешъ. Я дла тое причины такую неприѣзнь ему вказаль, то внъ естъ твои и мои неприатель. А естли вы, брат нашъ, всхочете зо мною брацкую приѣзнь мети, вы, брат нашъ, до трех год по двои упомннки годовые до насъ присылали. А естли же прислати похочете, абы есте и с тымъ посланцомъ моимъ, кнѣемъ Тарнберднемъ, докончанъа и перемирѧ написавши, и рокъ покладаю за патдесат дни. Абы есте и с тымъ Тарнберднемъ до насъ втпустили, и сего всеньного мсца водле писанъа и жеданъа моего невчннтели, то присега ншѧ на васъ, брата ншго, падеть. А пишете до насъ, якобы-х а не мель чтннн и мнловати посла вашого. И тотъ посоль, што хотель, то вамъ, брату ншѡму, мовиль, и за причнною того посла такова¹⁰⁵ нлюбость межи нами выросла. Але што ж не потреба веле мовннн, кому Панъ Богъ допоможеть, тепер штокодвекъ мовнмъ, наши мовеньа внивечъ вборочаете. Але далии Богъ, а чеи познасте, вт немалого часу николи правднве вт васъ, брата ншго, наподннтса, а вколо звытежецѧ непри-

¹⁰¹ По исправленному.

¹⁰² Нет титла.

¹⁰³ Так.

¹⁰⁴ Буква н по в.

¹⁰⁵ Буквы аа из ые.

атела московского рачте запытати у посла моего, бо тот посланец все достаточне вамъ, брату ншбому, визнаимит. И што wh будетъ устне мовити, то властными словы моими. И вы бы есте, братъ нашъ, ему вериди. Писанъ у Полю¹⁰⁶.

[VII]

(s. 35) Поселство цара перекопского через посланца его Ардыбердыя.

Поселства гонца царского до его кр мл. Напервеи воиско ишло до панства Московского до замку Молкгова, до Белева, до Козелска, до Варатына. А СЮку возилиса вышеи Колуги, могло быти и з милю. И притегнули до Колуги места, спалили, толко са замок зосталь. И тамъ была первшаа битва нша с кназемъ Варатинским. И было з ним воиска коло десети¹⁰⁷ тисачей. Людеи тых есмо з ласки Богское побили. И поведили намъ езыки, же кназ велики ест з великим воискомъ у Серпекове. И цар справою шол аж до Серпекова. И кназ великии wt Серпекова з воискомъ своим утекъ аж до стедца своего, до Москвы, и мед з Москвы подкане чинити. И притягнуд цар wt Серпекова деватого дна до столца его до Москвы. А кгда есмо до Москвы притягнули, напервеи есмо приехали до Девеского манастира. И тамъ естъ курган. На том кургане цар его млеть рачил стояти. А воиско московское¹⁰⁸ против нас выехало: з апричною кназ Воратинский, могло быти коло пяти тисачей стрелцовъ, а з великимъ воиском и з кназемъ Семеном Белским могло быти коло пятидесат тисачей воиска. Ино цар его мл и с правое руки wtправил сына своего царевича Магмет-Кгерия и з его воискомъ¹⁰⁹, а з лево руки цар wtправил сыног своих царевича Адель-Кгерия и другого царевича Алып-Кгерия. З апричною тые царевичи потыкали подле Явузы-взера, и з кназемъ Белским царевич Магмет-Кгерей потыкаль. И за помочью Божею воиска московские вдержатиса не могло, на голову побили. А з некоторыми людми кназ Бедский до замку втекъ. И кгда есмо запалили места, и месту горечи, неяко вгонь квалтовныи до замку дошол, где порохи зложо но, там са загорело. И wt того в замку место почало горети на Москве. И яко место замокъ и палацы, и скарбы все

¹⁰⁶ Низ рабочей страницы примерно в 13 строк не заполнен.

¹⁰⁷ 2-я е из л.

¹⁰⁸ Буквы ое из ал.

¹⁰⁹ 2-я о из е.

(s. 36)

погорело, и княз Белский згорел. А Москвы бронами и вороты, хто поспель, то вышоль. А в д Москвы-реки много потонуло же. Не зосталосе жадное холупины. И после того горенья не могли есмо болше и того мешкати, же великии смродь тх горелых людеи. И цар вд Москвы вттегнул, а князь великии, нимь цар до Москвы приехал, а вн втекъ на Белые взера. А што колко Москвы было места, в колко сдеса т попалили. Ровно шест недель вколо Москвы воевали. Дорослых людеи не брали, не брали, всих стинали. А толко есмо жонки, девки, малые дети брали и поло н, яко быдло, есмо перед собою гнали. И хвала милому Бгѹ, в телости есмо у панства свои вышли. И гдѣрь мои рачил мне росказати устне мовити его кр мд, и в листе его царска млостъ рачил писати, абы его кр мд рачил водле стародавного вбычаю приязни братскую мети и трех год упоми нки, которые при его кр млости зостали, се тое всени абы рачили прислати. А естли его кр мд не похочет з нами приязни братскую мети, тогды кому Богъ допоможесть, кожды своего будеть доходити¹¹⁰.

Критическое издание:

[1]

(s. 19) Ярълык царя перекопского.

Великие Орды великий царь Сагап Кирий царь слово. Божю милостю королю полскому, великому князю литовскому, рускому, прускому жомойтскому, мазовецкому и иных. Даю вашей милости знати через сес мой лист, што есмо з братом моим з Асламом-Салтаном были в незгодѣ немалый час. И стоял напротивку мене, хотячи царем зостати всей Орде земли Перекопской. Ино ему Бог того не помог и на того нашего брата Осламъ Салтана а сына вашего нареченного в животе не стало. Боже, дай, абы есте сами на многии лѣта были здорови. А даю вашей милости знати о его смерти, от чого ся ему стала. Сам есми много важил на него, абых его мог к рукам привести и на ся то не могло стати, бо никгды не был презпечен з наше стороны або теж воли Божие не было на то. Я-м то бычил, иже-м его не мог к рукам привести. Для тое причины послал есми Бакмурозу до Орды Нагайское, хотя не Ослам-Солтана к рукамъ привести. Далем ему во всемъ там науку, яко бы ся мел в том справовати. А Ослам-Солтан был от Орды Нагайское презпечон. Не надевался никоторое пригоды на себѣ. И оный Баки-мурза взял собою о тысячу конѣй и пришол на него с тыми людми и забил его Бакий был, и своею Ордою за Перекопом он на него там на поли справил. Боже, за се дай, абы каждому неприятелю моему так ся становило, як ему ся стало. Тепер есми з ласки Божие осел моцно на царстве на мѣстци отца своего, не маю напротивку себе никоторого переказцы. И вы бы, брат наш, рачил о том

¹¹⁰ Низ рабочей страницы примерно в 12 строк не заполнен.

ведати. А што есте, брат наш, присылали перъвей до нас слугу своего доброго пана Оникея Горъността в нѣкоторых певных справах наших и ваших. И на том посол вашей милости пан Оникей Горностаи от вас нам присягу чинил на том, што мели есте скарб слати мнѣ таковой, яко и предком нашим, царем, брати своей есте съслали. Ино от тых часов, яко пан Оникей Горностаи был в нас от чотырех або от пяти лѣт, вы, брат наш, не хотели нам братское приязни своей оказати. Ино и теперь вы зо мною, братом своим, если всхочете братскийи а приятелскийи мешкати, я теж ку тому призволяю, хочу приятелю вашему приятелем быти, // (s. 20) а неприятелю неприятелем. Ослам-Солтаном перъво ся есте вымовляли. А теперь ся не маете ким вымовляти. А с нами бы есте наконец вчинили, если вы, брат наш, будете с нами волю мети братскийи а приятелскийи мешкати, яко предки ваши с предки нашими братскийи а приятелскийи мешкивали. И вы бы, брат наш, тот скарб мнѣ прислали от того часу, которого часу пан Оникей нам от вас присягу чинил суполна за вси тьи годы прошлыи. А если бы есте хотели тот скарб ко мне слати, и вы бы зимою ко мне прислали. А если бы пак хотели есте откладати ещо до лѣта тот скарб к нам слати, тогда бы есте на мѣне не дивили. Послал есми до тебе, брата нашего слугу своего на имя Текеша. Што будет вам словами от нас мовити, и вы бы ему верили. Писан тот лист у Кидкели.

[II]

Амин-Кгирей-Салтан слово. Божю милостью королю полскому, великому князю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому, мазовецкому и иных. Даю вашей милости знати, што ж брат вашей милости а отец мой царь Сагип-Кирей послал до вашей милости гонца своего о здорови вашей милости, брата своего, навежаючи о своем павѣдаючи. И я теж для того послал до вашей милости гонца своего на имя Люиша о здорови вашей милости, навежаючи а о своем повѣдаючи. А што брат вашей милости а отец мой Сагип-Кирей царь писал и вказывал до вашей милости, брата своего, через посланца своего Текеша, хотячи вашей милости приятелем быти. Ино я сын его милость будучи, видячи ку вам приязнь отца своего, хотячи приятеля вашей милости приятелем быти, а неприятеля вашей милости неприязнь свою хочу саблюю доводити, бо теперь з ласки милого Бога брат вашей милости а отец мой Сагип-Кирей царь неприятеля своего Ослам-Салтана казал забити, а теперь в своей моцы всю Орьду мает. Куды хочет, туды ее может поверънути. Его милость вжо теперь не мает напротивку себе никоторого переказцы. А так кды ваша милость всхочеш з братом своим, // (s. 21) а отцом моим, приятелскийи мешкати водле стародавного обычая, яко предки вашей милости с предки нашими мѣшкали, буду теж отца своего на то вести, абы завжды был приятеля вашей милости приятелем, а неприятеля неприятелем. А то ваша милость у коротких часех сами обачите. А которого есми слугу своего послал до вашей милости, ваша бы милость рачил его борздо до нас отпустити.

[III]

От царя Сафа-Кирея Казанского слово. Божю милостью королю полскому, великому князю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому, мазовецкому и иных, отцу моему великому королю. Даю вашей милости знати через сесь мой лист, што ваша милость, отец мой, рачил мене сыном наречи еще кгдым был у Воръде Перекопской царевичом. А теперь з ласки милого Бога осел есми на

царстве Казанском. И будучи на том мѣстцу, хотячи вашей милости послугу чинити, ходилом сам своею особою и зо всею Орѣдою Казанскою до земли неприятеля вашей милости московского и выпустошилом ему землю и колкось есми замков его взял з ласки милого Бога и за форѣтуною вашей милости, отца моего, и хочу ещо наперед вашей милости отцу моему лепшими и вернейшими послугами своими приязнь свою оказати. А послалом до вашей милости отца своего посла своего подскарбьего своего Богуша. И казалом ему ширей того о приязни моей ку вашей милости словом повѣдити. И што будет он от мене вашей милости словом мовити, ваша бы милость рачили ему вѣрити, бо то суть наши рѣчи, а послалом до вашей милости наперед того посылы моего гонца своего на имя Ядикгаря о здорови вашей милости навежаючи, а за то вашу милость прошу, аж бы ваша милость не рачили тых посланцов наших у себе долго задерживати а безо мешканя к нам их отпустить. То лист от короля его милости писанный до царя перекопского и послан с Кракова толмачом Хаиком.

[IV]

(s. 22) От Жикгимонта, короля полского и далей. Великое Орѣды великому царю Сагап-Кирею, брату нашему, што присылал еси к нам гонца своего Текеша и словом через него усказал и в вярльыкох своих писал, иж што еси з братом своим з Ослам-Салтаном был в незгодѣ немалый час, што он стоял напротивку тебе, брата своего, хотячи царем зостати всей Орѣде, земли Перекопской. Ино Бог того ему не помог. И того брата твоего Ослам-Солтана в животе не стало. И дал еси нам, брат наш, знати, от чого ся ему смерть стала, иж Бакеи-муръза, до Орѣды Нагайское ехавши и подмовивши съ собою отменну коней, людей нагайских, и пришол на Ослама и забил его, бо он от Орѣды Нагайское преспечон был и не надѣвался от них никоторое пригоды на себѣ. И с того ты, брат наш, Бога фалиш, абы каждому неприятелю твоему так ся от Бога стало, яко ся ему стало. А теперь ты, брат наш, з ласки Божее осел мощно на царстве на мѣстцу отца своего, не маючи напротивку себе никоторого переказцы, абыхмо мы о томъ вѣдали. Ино, брате, што Ослам-Салтан, брат твой, с тобою, братом нашим, в незгодѣ был, то ся нищие причины дѣло, одно з упору а з небачности его самого, иж он видячи тебе, брата своего, от Бога вышнего на том столци осаженного тебе, брату своему правдиве правым серъцем того мѣсца царьского зычити не хотел и против тебе неприязни досыть не мала оказывал. Што ж Бог вышний, справедливим тую видячи незгodu, его своим судом Божим и справедливим того неприятеля твоего скарал и тою смертъю его вморил. То нехай будет у воли его святой милости. Боже, дай, абы ты, брат наш, на томъ царском столци супоконне мешкаючи, много // (s. 23) лет здоров был и с нами у братской верной приязни заодин был, бо есма и перьво тебе, брату нашему, как еси на том царском столци сел справедливе и верне, того царства зычили и теперь того тебе верне справедливе зычим. И што есмо завжды стояли и до Ослам-Салтана через послы и гонцы наши и его часто всказывали, напоминаючи его, абы он с тобою, братом нашим, в добьрой а верной приязни был и на неприятеля нашего и твоего стоял заодин. А тое неприязни свое к тобѣ, брату своему чинити перестал, бо он не толко тобѣ, брату своему, противности и неприязни чинил, алѣ и нам за залецанем и присягами своими николи слова своего в правде не держал. Большую сказу, нижли помочь землям нашим людми своими чинил. И еще над то послов наших и гонцов, николи су поминки к тобѣ, брату нашему, не допушал. И

тыи впоминки в них собѣ отбирал и великии трудности в томѣ послам нашим дельвал, для которое завады и неприязни его с тобою, братом нашим, николи есмо приязни певное и обсылания через послы наши мети не могли. А которую приязнь и зычность ему есмо чинили не для того, абы он к нам и к тобѣ, брату нашому, неприязни чинил, але болши для того, абы он с нами и с тобою, братом нашим и своим, у добърой згодѣ и приязни будучи, на неприятеля нашего с нами был заодин, ино того ничего по нем есмо не взнали. Боже, дай, абы кождый, хто кому братства и приязни и присяги справедливе не здеръжит, тым от Бога каран был. А што еси писал до нас и через гонца своего вказал и посла своего вѣликого князя Булгака к нам прислал, припоминаючи нам, што есмо перво того посылали к тобѣ, брату нашому, посла нашего великого пана Оникея Горьностая в некоторых певных справах наших и твоих, и тот посол наш на том тобѣ присегнул, иж быхмо мы тобѣ, брату нашому, мели упоминки великии посылати в кождый год, и послѣ того от колка лѣт николи есмо к тобѣ, брату нашому, с тыми упоминки не посылали. Ино, // (s. 24) брате, которыи упоминки сукны умовил был тобѣ тот посол наш дати, мы с тыми упоминки послали были к тобѣ посла нашего великого старосту черъкасского и каневского пана Василя Тишкевича. А ты, брат наш, всказал до нас через посла своего Девеи-муръзу, абыхмо мы тот упоминок положили в замьку нашом отчизном в Киеве. А ты, брат наш, мел намъ дати вѣдати, на который час мѣли быхмо тот упоминок тобѣ, брату нашому, послати, и ты, брат наш, для небезпечности Осламовы сам же по тот упоминок до нас не посылали. А мы тому послу нашому пану Василю Тишкевичу рассказали пред ся к тобѣ, брату нашому, з ыншими упоминки ехати. А так и того посла нашего великого Ослам-Салтан к тебе не допустил. И тыи упоминки вси, што есмо были тобѣ, брату нашому, послали, в него собѣ поотбирал. А теперъ ты, брат наш, коли о том до нас всказал и посла своего прислал, абыхмо мы с тобою, братом нашим, в доброй верьной приязни мешкали и на неприятеля нашего и твоего с тобою стоял заодин. Мы то от тебе, брата нашего, вдячне приимеум и хочем с тобою, братом нашим, в братстве, в приязни и в вечном миру быти. И вперед о том даючи тобѣ, брату нашому, ведати с тым листом нашим гонца нашего и твоего гонца Текеша к тобѣ отпустили есмо, а посла твоего великого, князя Булгака, ещо есмо при собѣ задеръжали для того, иж хочем к тобѣ, брату нашому, з верьною а правдивою приязнью с тым послом твоим посла нашего великого с упоминки тое зимы, не мешкая, отправить и послати через которого к тебе, брату нашому, о всяких речах добрых и о приязни и о миру вечном ширей вскажем. И ты бы, брат наш, о том вѣдал.

[V]

(s. 31) Первый

Великое Орды волного цара Давлет-Кгериева слова.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату нашому, поклон и братская наша приязни. При том пишете до нас вы, брат наш, и з великим гневом и нареканем, же посол ваш, брата нашего, некоторую неправду справивши вам, брату нашому, ознаймил, якобых я мел его не учтити, яко на посла приналежит, якобых я мел его ослепити и некоторых достатков его водлуг обычаю не полнити. Але-м

я так его учтил и миловал, яко на посла приналежить. Ласку и жаловане ему есмо казали дати. Але послу не годило бы ся небылых речей плодити. Такового посла и овшем Пан Бог скарет, который посол небылых речей межи двема господари плодить. И пишете, якобых мы не мели панства Московского воевати и кожного часу наша шабля не ест поднесена с панства неприятеля нашего. Завше без перестанья панству его шкоду чиним. Ач Казань и Астрахань взято – але не от нас. И теперь есмо, возьмши Пана Бога на помочь, и потегнули есмо до земли неприятеля нашего. А вы, брат наш, чи не жалуете того же? Неприятель твой, колкость замков забравши, держить, а вы, брат наш, так опустивши, ничего не дбаеш и своего доходити не хочеш. И первой сего не однокроть вы, брат наш, обсылали, роки покладали, абых я тегнул в землю неприятелскую. И вы, брат наш, потому ж обещаючися ехати до земли неприятеля, и не ехали, а теперь, естли вы, брат наш, похочете в землю неприятеля своего шли, а от дороги Астараханское аж до сих часов казаки мои нигде у панстве вас, брата нашего, жадное шкоды не чинили. А так жедаю и напоминаю вас, брата нашего, абы есте своих козаков гамовали. А естли вы, брат наш, своих козаков гамовати не будете, и мы теж своих козаков гамовати не будем. И завжды панству нашему // (s. 32) казаки ваши шкоду чинят. И недавных часов казаки ваши, приходши на улусы, побрали о пятсот домов татар и з жонами и з детми, и зо всею маетностю. И тые казаки оных татар девки и жоны поимовали и теперь их у себе мают, и тепер кожного часу, поза Днепрю по уласа подошодши, кони и быдло отгоняють. И неоднокрот купцов из Москвы идучим, казаки ваши их громили и маетности им побрали, учинили шкоды им болшии, нижли на сто тысячей золотых чирвоных. Завжды без перестанья казаки ваши панству нашему шкоду чинят. И вы, брат наш, до того вымовы неслушные до нас отписуеш. А тых минулых часов, которые купцы у панстве вашем ест погромленыи. И дошла ведомость до его милости цесара турецкого, же которая кривда стала подданым его милости, яко тых козаков поимано и яко тые маетности на реистре написано, и козаков меновите именми ознамено. И которым обычаем справедливость жедана и одбывано их – едно словы. И так узнали правду вас, брата нашего. А около упоминков вы, брат наш, обещаєте до нас послати одного году. А я поведаю, же трох год упоминки при вас, брате нашом, зостало кроме того году, тот год не личечи, которого году я угорнул, трех год впоминков застало. И посылаю послом того доброго слугу своего на име Туманука. И вы, брат наш, абы есте тьи упоминки через того посла нашего при-слали, бо послу за гибель нигде нет. А одного году упоминки вы, брат наш, до нас не посылайте. И посла моего до мене отпусти, а ку тому кому Пан Бог допomoжет, кождый своего доходити будет. Писан у Перекопе.

[VI]

(s. 33) Другий

Великое Орды волного цара Довлет-Кгирея слово.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату нашому, поклон и братская наша приязнь. При том, што ж первой сего межи нами, братом нашим, некоторые нелюбости и многие речи ся были показали, и з тых причин, иж вы, брат наш, козаков своих гамовати не хочеш и немало подданных наших козаки ваши у полон побрали и до сих часов есмо о них не дбали, ино быхмо своим козаком так же

быхмо дозволене вчинили. Але важечи зверхности его милости цесара турецкого, и яко есте оскаржили до его милости цесара турецкого и посла есте своего за росказаньем его милости цесара турецкого выняли, што ж есте лепшого себе учинили. А к тому трех або чотырох год упоминков не прислали, и тые впоминки в тебе, брата нашего, зостали. И возьмши есмо милостивого Бога на помочь и злетивши всю свою речь на милостивого Бога его светой милости, и потегнули есмо в землю неприятеля нашего сполочного, князя московского. И просто есмо до реки Оки ехали. И Оки переехали есмо под замок Колугою. И подкалися есмо з войском. И за помочю Божею войска напротивку нас одержатися не могли. И втек княз великий аж до столицы. И там одержатисе не мог. И втек и з двема сынми аж на Белоозеро. И княз Белский, воевода его, и з некоторыми значными князи сорок або петдесят тисечми войски, а пят тисечей стрелцов. И росказал им княз великий, абы ся потыкали з нами. И мы якобы о снаданной године о пол о тры приехали есмо до Москвы. И за помочю милостивого Бога и почали есмо битву. И за одну годину стрелцов побили, а войско одержатися не могло. И зо всех сторон Московского места запалили. И загорелося где были порохи и вше-лякая спижа зложона. И от того замок ся загорел, и много войска, и вся места погорела. И зложенья скарб в весь погорел. А наболей людей потонуло и погорело. Редкий се жив зостал. И Болат замочок вышний – и той се загорел. Толко тые люди, которые в том Болат замочку были, тые люди вышъли, не погорели. И не ведаю, што тому за причина, иж тот неприятель наш и ваш колко замков вас, брата нашего, забрал, а ты // (s. 34) с тым неприятелем перемире береш и в приязни з ним вступиеш. Соромы и встыду не маеш. Я для тое причины таковую неприязнь ему оказал, то он ест твой и мой неприятель. А естли вы, брат наш, всхочете зо мною брацкую приязнь мети, вы, брат наш, до трех год по двои упоминки годовые до нас присылали. А естли же прислати похочете, абы есте и с тым посланцом моим, князем Тарибердием, докончания и перемирия написавши, и рок покладаю за пятьдесят дни. Абы есте и с тым Тарибердием до нас отпустили, и сего осенного месяца водле писанья и жеданя моего невчинители, то присега наша на вас, брата нашего, падеть. А пишете до нас, якобых я не мел чтити и миловати посла вашего. И тот посол, што хотел, то вам, брату нашему, мовил, и за причиноу того посла таковая нелюбовь межи нами выросла. Але што ж не потреба веле мовити, кому Пан Бог допоможесть, тепер штоколвек мовим, наши мовенья внивеч оборочаете. Але далии Бог, а чей познасте, от немалого часу николи правдиве от вас, брата нашего, наполнится, а около звытежена неприятеля московского рачте запытати у посла моего, бо тот посланец все достаточне вам, брату нашему, ознаймит. И што он будеть устне мовити, то властными словами моими. И вы бы есте, брат наш, ему верили. Писан у Полю.

[VII]

(s. 35) Поселство цара перекопского через посланца его Ардыбердыя.

Поселства гонца царского до его кролевское милости. Напервей воиско и шло до панства Московского до замку Молкгова, до Белева, до Козелска, до Варатына. А Оку возилися вышей Колуги, могло быти и з милю. И притегнули до Колуги места, спалили, толко ся замок зостал. И там была первшая битва наша с

князем Варатинским. И было з ним войска коло десети тысячей. Людей тых есмо з ласки Богское побили. И повелили намъ езьки, же княз велики ест з великим войском у Серпекове. И царь справою шол аж до Серпекова. И княз великий от Серпекова з войском своим утек аж до стелца своего, до Москвы, и мел з Москвы подкане чинити. И притягнул царь от Серпекова девятого дня до столца его до Москвы. А кгда есмо до Москвы притягнули, напервей есмо приехали до Девеского монастыра. И тамъ ест курган. На том кургане царь его милость рачил стояти. А войско московское против нас выехало: з апричною княз Воратинский, могло быти коло пяти тысячей стрелцов, а з великим войском и з князем Семеном Белским могло быти коло пятидесят тысячей войска. Ино цар его милость и с правое руки отправил сына своего царевича Магмет-Кгерия и з его войском, а з левое руки цар отправил сынов своих царевича Адель-Кгирея и другого царевича Альп-Кгерия. З апричною тые царевичи потыкали подле Явузы озера, и з князем Белским царевич Магмет-Кгерей потыкал. И за помочью Божею войска московские одержатися не могло, на голову побили. А з некоторыми людми княз Белский до замку втек. И кгда есмо запалили места, и месту горечи, некакось огонь квалтовный до замку дошел, где порохи зложено, там ся загорело. И от того в замку место почало горети на Москве. И яко место замок и палацы, и скарбы все // (с. 36) погорело, и княз Белский згорел. А Москвы бронами и вороты, хто поспел, то вышол. А од Москвы реки много потонуло же. Не зосталосе жадное холупины. И после того горенья не могли есмо болшей того мешкати, же великий смрод тых горелых людей. И цар од Москвы оттегнул, а князь великий, ним цар до Москвы приехал, а он втек на Белые озера. А што колко Москвы было места, о колкосдесят попалили. Ровно шест недель около Москвы воевали. Дорослых людей не брали, не брали, всех стинали. А толко есмо жонки, девки, малые дети брали и полон, яко быдло, есмо перед собою гнали. И хвала милому Богу, в телости есмо у панства свои вышли. И господарь мой рачил мне росказати устне мовити его кролевская милость, и в листе его царская милость рачил писати, абы его кролевская милость рачил водле стародавного обычаю приязни братскую мети и трех год упоминки, которые при его кролевской милости зостали, се тое осени абы рачили прислати. А если его кролевская милость не похочет з нами приязни братскую мети, тогды кому Бог допоможесть, кождый своего будеть доходить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннинский С.А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. М.; Л.: Академия наук СССР, 1940. Т. 3. С. 305–388.
2. *Беларускі архіў.* Т. 1: (XVI–XVII ст.). № 1. Працы і матар’ялы да гісторыі і архэалёгіі Беларусі. Менск: Інбелкульт, 1927. 301 с.
3. *Ващук Д.* Епістолярна спадщина царя казанського Сафи-Гірея: Листи до польського короля і великого князя литовського Сигізмунда I Старого // Крим від античності до сьогодення: Историчні студії. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 120–127.
4. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI в. М.: ИРИ РАН, 2007. Ч. 2. 342 с.
5. *Виноградов А.В.* Дипломатическая документация Крымского ханства в XVI веке (1515–1569): К вопросу о современном состоянии публикации // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 626–647.

6. *Виноградов А.В., Малов А.В.* «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех»: Материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 202–253.

7. *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. / пер. с польск. Л.И. Леньшиной. М.: Радикс, 1994. 528 с.

8. *Граля И., Эскин Ю.М.* Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А.И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод): 1571–1580 гг. М.; Варшава: Археографический центр, 1998. 288 с.

9. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: сб. док. / сост. И.А. Мустакимов; науч. ред. Д.А. Мустафина; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2008. 464 с.

10. *Дубровский И.В.* Венеция, греки и Московское царство в начале Кипрской войны // Русский сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2015. Т. 18. С. 21–73.

11. *Ерусалимский К.Ю.* Князь Семен Бельский – землевладелец и политик Великого княжества Литовского // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. навук. арт.: У 2 ч. Ч. 1 / уклад. А.А. Скеп'ян. Мінск: Беларускае навука, 2017. С. 129–172.

12. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.

13. *Зимин А.А.* Опричнина. 2-е изд., испр. и доп. / предисл. А.Л. Хорошкевич. М.: Территория, 2001. 448 с.

14. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.: Научно-методическое пособие. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. 132 с.

15. *Канановіч У.* Богуш Міхал Багавіцэнавіч – велікакняжацкі дыпламат Жыгімонта Старога // Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Мінск: ІГ НАН Беларусі, 1999. Вып. 1. С. 31–39.

16. *Капелер А., Скрынников Р.Г.* Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 132–144.

17. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского / изд. по поручению Императорского Московского общества истории и древностей российских М. Оболенским и И. Даниловичем. М.: Унив. тип., 1843. Т. 1. XX, 480 с.

18. *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / сост. К.Ю. Ерусалимский; пер. с древнерусского А.А. Алексеев; под ред. Ю.Д. Рыкова. М.: Наука, 2015. 944 с.

19. *Мустафина Д.* Послание царя казанского // Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 26–38.

20. *Пенской В.В., Пенская Т.М.* «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. 4. С. 183–226. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoj-penskaya_1 (дата обращения: 21.10.2017).

21. *Пилипчук Я.В.* Отношения между Великим Княжеством Литовским и Казанским ханством (1506–1552) // Золотоордынское обозрение. 2014. Вып. 3 (5). С. 80–102.

22. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.

23. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с., разд. паг.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве: (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. XL, 328 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с., разд. паг.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
28. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.
29. *Толстой Д.* Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам Королевства Польского и Великого княжества Литовского, через их посла переданная // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1847. М., 1848. Кн. 9. Отд. IV. 7 с.
30. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
31. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. 622 с.
32. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: Аврелия, 2004. 277 с.
33. *Черкас Б.* Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. 244 с.
34. *Шмурло Е.* Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1913. Т. 2. Вып. 2. 688 с.
35. *Borzemski K.* Rec. // *Ateneum Wileńskie*. 1930. № 7. Zesz. 1–2. S. 355–365. – Rec. ad. op.: *Беларускі архіў*. Т. 1: (XVI–XVII ст.). № 1. Працы і матар’ялы да гісторыі і архэалёгіі Беларусі. Менск, 1927.
36. *Die Kronen-Wasserzeichen. Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart / bearb. von G. Piccard.* Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1961. 178 S.
37. *Dziubiński A.* Stosunki dyplomatyczne polsko-tureckie w latach 1500–1572 w kontekście międzynarodowym. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 313 s.
38. *Eskin J.M., Grala H.* Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537 // *Świat historia: Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi / red. M. Nagielski, G. Rostkowski.* Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, 2016. S. 191–211.
39. *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł “Rudy” (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica”, 2008. 671 s.
40. *Inwentarz zespołu archiwalnego. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. Dział II (sygn. 3275–3597) (do 1600 r.). Nr zespołu 354 / oprac. Ł. Truściński.* Warszawa: AGAD, 2012.
41. *Jaworski R.* Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołłowiczem z lat 1550–1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich // *Studia Źródłoznawcze*. 2003. T. 41. S. 91–108.

42. *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt / M.: H. Lanz, 1972. 298 S.
43. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. XXXII, 1049 p.
44. *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius: Mintis, 1967. 288 p.
45. *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius: Mintis, 1967. 580 p.
46. Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 15: (1528–1538). Užrašymų knyga 15. Vilnius: Žara; Kaunas: Spindulys, 2002. 448 p.
47. *Linde S.-B.* Słownik języka polskiego. Cz. 3. Vol. 5: R–T. Warszawa: Drukarnia XX Pijarów, 1812. 704 s.
48. *Łopatecki K.* Organizacja, prawo i dyscyplina w polskim i litewskim pospolitym ruszeniu (do połowy XVII wieku). Białystok: Instytut badań nad dziedzictwem kulturowym Europy, 2013. 660 s.
49. *Nowak J.* Udział Akademii Umiejętności w sprowadzeniu Zbiorów Czartoryskich do Krakowa (1873–1876) // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. 1977. R. 23. S. 153–159.
50. *Pezda J.* Rostkowski D. // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1989–1991. T. 32. S. 164–165.
51. *Pezda J.* Rutkowski A. // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1991–1992. T. 33. S. 215–216.
52. Popisy wojskowe pospolitego ruszenia Wielkiego Księstwa Litewskiego (1524–1566) / wstęp i opracowanie G. Lesmaitis; tłum. z języka litewskiego B. Piasecka; red. naukowa K. Łopatecki. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2016. 435 s.
53. *Ragauskienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (apie 1515–1584). Vilnius: Valstybės žinios, 2002. 448 p.
54. *Siniarska-Czaplicka J.* Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku. Wrocław et al.: Ossolineum, 1969. XV, 41 s., tabl. CCXXVIII.
55. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 2: Bańczysty – Butynkować się. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1967. XII, 528, 5 s.
56. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 10: K – Korzyść. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1976. XIV, 674 s.
57. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 23: P – Phy. Warszawa: Instytut badań literackich, 1995. X, 436, 14 s.
58. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4: Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie: XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk. Warszawa: DiG, 2003. 412 s.
59. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk; przy współpr. U. Jemialianczuka i A. Macuka. Warszawa: DiG, 2004. 764 s.
60. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. Województwo Trockie XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk, A. Haratym; przy współpr. A. Macuka i J. Aniszczanki. Warszawa: DiG, 2009. 687 s.

Благодарности

Завершить эту работы было бы невозможно без ряда поездок для работы в польских архивохранилищах при грантовой поддержке по программам “Thesaurus Poloniae” (Międzynarodowe centrum kultury, 2012) и “Artes liberales” (Uniwersytet Warszawski, 2016). Выражаю благодарность коллегам, высказавшим ряд ценных замечаний и внесшим содержательные уточнения в публикуемую статью. Прежде всего – А.В. Виноградову, Иерониму Грале, Александру Казакову, В.Ю. Кацу, С.Н. Кистереву, Гедиминасу Лесмайтису, Каролу Мазуру, М.В. Моисееву, Янушу Новаку, С.В. Полехову, Анастасии Скепьян, Наталии Слиж, Наталии Старченко, С.Ю. Шокареву, Мареку Яницкому, Мариану Яскуле, а также С.М. Каштанову и участникам научного семинара под его руководством в РГГУ.

Сведения об авторе: Константин Юрьевич Ерусалимский – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (125993, Миусская пл., 6, Москва, Российская Федерация). E-mail: kerusalimski@mail.ru

Поступила 07.07.2017 Принята к публикации 24.11.2017
Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Anninskiy S.A. Rassuzhdenie o delakh Moskovii Franchesko T'epolo [On the Muscovite Affaires by Francesco Tiepolo]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archives]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1940. Vol. 3, pp. 305–388. (In Russian)
2. *Belaruskii arkhiv*. Vol. 1 (XVI–XVII st.). No. 1. *Pratsy i matar'yaly da gistoryi i arkeologii Belarusi* [Belarus' Archive. Vol. 1, 16–17 c., no 1: Works and Materials on History and Archaeology of Belarus]. Minsk, Inbelkul't, 1927. 301 p. (In Belarusian)
3. Vashchuk D. Epistolyarna spadshchina tsarya kazans'kogo Safi-Gireya: Listi do pol'skogo korolya i velikogo knyazya litovskogo Sigizmunda I Starogo [Tsar Safa-Giray's Correspondence: Letters to Polish King and Grand Duke of Lithuania Sigismund I The Elder]. *Krim vid antichnosti do s'ogodennya: Istorichni studii* [Crimea from Antiquity to the Present: Historical Studies. Kyiv: Institute of History of Ukraine]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni, 2014, pp. 120–127. (In Ukrainian)
4. Vinogradov A.V. *Russko-krymskie otnosheniya: 50-e – vtoraya polovina 70-kh godov XVI v.* [Crimean-Russian Relations in the 1550s – second part of the 1570s]. Moscow, IRI RAN, 2007. Part 2. 342 p. (In Russian)
5. Vinogradov A.V. Diplomaticeskaya dokumentatsiya Krymskogo khanstva v XVI veke (1515–1569): K voprosu o sovremennom sostoyanii publikatsii [Diplomatic Documentation of the Crimean Khanate in the 16th century (1515–1596): To the Question about the Current State of Publishing]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4. No. 3, pp. 626–647. (In Russian)
6. Vinogradov A.V., Malov A.V. «Soshlis' s nimi u Voskresen'ya v Molodekh»: Materialy o pokhode Devlet-Gireya I na Moskvu 1572 g. v Krymskoy posol'skoy knige

1571-1578 gg. ["Fought with Them near the Resurrection in Molodi": Materials on Devlet-Giray's War against Moscow in 1572 in the Book of Crimean Embassies from 1571–1578]. *Edinorog": Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Unicorn: Materials on the Military History of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. Moscow, Kvadruga, 2011. Is. 2, pp. 202–253. (In Russian)

7. Gralya I. *Ivan Mikhaylov Viskovatyy: Kar'era gosudarstvennogo deyatelya v Rossii XVI v.* [Ivan Mihajlov Viskovatyy: The Career of a Politician in 16th century Russia]. Per. s pol'sk. L.I. Len'shinoy. Moscow, Radiks, 1994. 528 p. (In Russian)

8. Gralya I., Eskin Yu.M. Gramoty i «Obidnyy spisok» polotskogo voevody kn. A.I. Nogteva-Suzdal'skogo 1571–1572 gg. [Messages and "A List of Injuries" of the Polock Voevoda Prince A.I. Nogtev-Suzdalsky in 1571–1572]. *Dokumenty Livonskoy voyny (podlinnoe deloproizvodstvo prikazov i voevod): 1571–1580 gg.* [Documents of the Livonian War (the original records management of the orders and the voevods): 1571–1580]. Moscow; Warsaw, Arkheograficheskiy tsentr, 1998. 288 p. (In Russian)

9. *Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI–XIX vekov iz drevle-khramilishch Turtsii: sb. dok.* [Documents on the 16th–19th centuries' History of the Volga-Ural Region in Turkish Archival Collections: Collection of Documents]. Sost. I.A. Mustakimov; nauch. red. D.A. Mustafina; pod obshch. red. D.I. Ibragimova. Kazan, Gasyr, 2008. 464 p. (In Russian)

10. Dubrovskiy I.V. Venetsiya, greki i Moskovskoe tsarstvo v nachale Kiprskoy voyny [Venice, Greeks and Muscovite State in the Beginning of the War for Cyprus]. *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies on the History of Russia]. Moscow, Modest Kolerov, 2015. Vol. 18, pp. 21–73. (In Russian)

11. Jerusalimski K.Yu. Knyaz' Semen Bel'skiy – zemlevladelets i politik Veli-kogo knyazhestva Litovskogo [Prince Semen Belskii as a Landowner and Politician of the Grand Duchy of Lithuania]. *Vyalikae Knyastva Litojskae: palityka, ekanomika, kul'tura: zb. navuk. art.: U 2 part.* [The Grand Duchy of Lithuania: Politics, Economy, Culture. Collected Research Papers. In Two Parts]. Part 1. Uklad. A.A. Skep'yan. Minsk, Belaruskaya navuka, 2017, pp. 129–172. (In Russian)

12. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. 2-e izd., ispr. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 303 p. (In Russian)

13. Zimin A.A. *Oprichnina* [Oprichnina]. 2-e izd., ispr. i dop. Predisl. A.L. Khoroshkevich. Moscow, Territoriya, 2001. 448 p. (In Russian)

14. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.: Nauchno-metodicheskoe posobie* [Turkic-Tatar states in the 15th and 16th centuries: Methods of Research]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2004. 132 p. (In Russian)

15. Kananovich U. Bogush Mikhal Bagavitsienavich – velikaknyazhatski dyplamat Zhygimonta Staroga [Bogush Michal Bogovitinovich as a Diplomat of Grand Duke Sigismund the Elder]. *Shtogodnik Instytuta gistoryi NAN Belarusi* [Annual of the Institute of History of NAS of Belarus]. Minsk, IG NAN Belarusi, 1999. Is. 1, pp. 31–39. (In Belarusian)

16. Kappeler A., Skrynnikov R.G. Zabytyy istochnik o Rossii epokhi Ivana Groznogo [A Forgotten Source about Russia of Ivan the Terrible's Epoque]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1999. No. 1, pp. 132–144. (In Russian)

17. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The Book of Embassies of the Metrics of the Grand Duchy of Lithuania]. Izd. po poru-cheniyu Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh M. Obolenskim i I. Danilovichem. Moscow, Univ. tip., 1843. Vol. 1. XX, 480 p. (In Russian)
18. Kurbskiy A.M. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [The History of the Grand Duke of Moscow]. Sost. K.Yu. Erusalimskiy; per. s drevnerusskogo A.A. Alekseev; pod red. Yu.D. Rykova. Moscow, Nauka Publ., 2015. 944 p. (In Russian)
19. Mustafina D. Poslanie tsarya kazanskogo [Tsar of Kazan's Letter]. *Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1997. No. 1/2, pp. 26–38. (In Russian)
20. Penskoj V.V., Penskaya T.M. «Yaz dei deda svoego i pradeda nyne zdelal lutchi...»: Pokhod Devlet-Gireya I i sozhzhenie Moskvyy v mae 1571 g. [“I Have Done It Better Than My Grandfather and Great-grandfather...”: The War of Devlet-Giray I and Burning Moscow in May of 1571]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [The History of Warfare: Researches and Sources]. 2013. Vol. 4, pp. 183–226. Available at: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoy-penskaya_1 (last access – 21.10.2017). (In Russian)
21. Pilipchuk Ya.V. Otnosheniya mezhdru Velikim Knyazhestvom Litovskim i Kazanskim khanstvom (1506–1552) [Relations between the Grand Duchy of Lithuania and Kazan Khanate (1506–1552)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014. Is. 3 (5), pp. 80–102. (In Russian)
22. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* [The Book of Embassies of Relations between Muscovite State and Crimea, 1567–1572]. Otv. red. M.V. Moiseev; podg. teksta A.V. Malov, O.S. Smirnova. Moscow, Fond «Russkie Vityazi», 2016. 400 p. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 13. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13: The So-Called Patriarshaya or Nikonovskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 544 p. razd. pag. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 19. *Istoriya o Kazanskom tsarstve: (Kazanskiy letopisets)* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19: The History of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicler)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. XL, 328 p. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 8: The Continuation of the Voskresenskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2001. 312 p., razd. pag. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. *L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 20: The Lvovskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 704 p. (In Russian)
27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 26. *Vologodsko-Permskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 26: The Vologodsko-Permskaya Chronicle]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2006. 432 p. (In Russian)
28. Skrynnikov R.G. *Tsarstvo terrora* [The Tsardom of Terror]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 576 p. (In Russian)
29. Tolstoy D. Rech' tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha k panam radam Korolevstva Pol'skogo i Velikogo knyazhestva Litovskogo, cherez ikh posla peredannaya [The Oration of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilevich to the Panowie Rada of the Polish Crown and Grand Duchy of Lithuania, Sent through Their Aambassador]. *Chteniya*

v *Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh* [Readings in the Imperial Society of the History and Antiquities of Russia]. 1847. Moscow, 1848. Book 9. Otd. IV. 7 p. (In Russian)

30. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001. 752 p. (In Russian)

31. Khoroshkevich A.L. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the System of International Relations in the middle of the 16th century]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2003. 622 p. (In Russian)

32. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow, Avreliya, 2004. 277 p. (In Russian)

33. Cherkas B. *Ukraina v politichnikh vidnosinakh Velikogo knyazivstva Litovs'kogo z Krims'kim khanatom (1515–1540)* [Ukraine in Political Relations of the Grand Duchy of Lithuania with Kazan Khanate (1515–1540)]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2006. 244 p. (In Ukrainian)

34. Shmurlo E. *Rossiya i Italiya. Sbornik istoricheskikh materialov i issledovaniy, kasayushchikhsya snosheniy Rossii s Italiyey* [Russia and Italy. Collection of Historical Materials and Studies on Relations between Russia and Italy]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1913. Vol. 2. Is. 2. 688 p. (In Ukrainian)

35. Borzemski K. *Rec. Ateneum Wileńskie*. 1930. No. 7. Zesz. 1–2, pp. 355–365. – Rec. ad. op.: *Belaruskі arkhiv*. Vol. 1: (XVI–XVII st.) [Belarusian Archive. Vol. 1: (16th–17th centuries)]. No. 1. Pratsy i matar'yaly da gistoryi i arkheologii Belarusi. Mensk, 1927. (In Belarusian)

36. *Die Kronen-Wasserzeichen. Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart*. Bearb. von G. Piccard. Stuttgart, Verlag W. Kohlhammer, 1961. 178 p. (In German)

37. Dziubiński A. *Stosunki dyplomatyczne polsko-tureckie w latach 1500–1572 w kontekście międzynarodowym*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 313 p. (In Polish)

38. Eskin J.M., Grala H. Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537. *Świat historia: Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi*. Red. M. Nagielski, G. Rostkowski. Pułtusk, Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor, 2016, pp. 191–211. (In Polish)

39. Ferenc M. *Mikołaj Radziwiłł "Rudy" (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa*. Kraków, Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica”, 2008. 671 p. (In Polish)

40. Inwentarz zespołu archiwalnego. *Archiwum Warszawskie Radziwiłłów*. Dział II (sygn. 3275–3597) (do 1600 r.). Nr zespołu 354 / oprac. Ł. Truściński. Warszawa, AGAD, 2012. (In Polish)

41. Jaworski R. Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołowiczem z lat 1550–1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich. *Studia Źródłoznawcze*. 2003. Vol. 41, pp. 91–108. (In Polish)

42. Kappeler A. *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes*. Bern; Frankfurt / Moscow, H. Lanz, 1972. 298 p. (In German)

43. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston, Brill, 2011. XXXII, 1049 p.

44. Laucevičius E. *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.* Vilnius, Mintis, 1967. 288 p. (In Lithuanian)
45. Laucevičius E. *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas.* Vilnius, Mintis, 1967. 580 p. (In Lithuanian)
46. *Lietuvos Metrika.* Kn. Nr. 15: (1528–1538). Užrašymų knyga 15. Vilnius, Žara; Kaunas, Spindulys, 2002. 448 p. (In Russian, Lithuanian)
47. Linde S.-B. *Słownik języka polskiego.* Cz. 3. Vol. 5: R–T. Warszawa: Drukarnia XX Pijarów, 1812. 704 p. (In Polish)
48. Łopatecki K. *Organizacja, prawo i dyscyplina w polskim i litewskim pospolitym ruszeniu (do połowy XVII wieku).* Białystok, Instytut badań nad dziedzictwem kulturowym Europy, 2013. 660 p. (In Polish)
49. Nowak J. Udział Akademii Umiejętności w sprowadzeniu Zbiorów Czartoryskich do Krakowa (1873–1876). *Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie.* 1977. R. 23, pp. 153–159. (In Polish)
50. Pezda J. Rostkowski D. *Polski Słownik Biograficzny.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1989–1991. Vol. 32, pp. 164–165. (In Polish)
51. Pezda J. Rutkowski A. *Polski Słownik Biograficzny.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1991–1992. Vol. 33, pp. 215–216. (In Polish)
52. *Popisy wojskowe pospolitego ruszenia Wielkiego Księstwa Litewskiego (1524–1566).* Wstęp i opracowanie G. Lesmaitis; tłum. z języka litewskiego B. Piasecka; red. naukowa K. Łopatecki. Białystok, Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2016. 435 p. (In Polish)
53. Ragauskienė R. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (apie 1515–1584).* Vilnius, Valstybės žinios, 2002. 448 p. (In Lithuanian)
54. Siniarska-Czaplicka J. *Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku.* Wrocław et al., Ossolineum, 1969. XV, 41 p., tabl. CCXXVIII. (In Polish)
55. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Vol. 2: *Bańczęsty – Butynkować się.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1967. XII, 528, 5 p. (In Polish)
56. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Vol. 10: *K – Korzyść.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1976. XIV, 674 p. (In Polish)
57. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Vol. 23: *P – Phy.* Warszawa, Instytut badań literackich, 1995. X, 436, 14 p. (In Polish)
58. *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy.* Vol. 4: *Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie: XIV–XVIII wiek.* Pod red. A. Rachuby; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk. Warszawa, DiG, 2003. 412 p. (In Polish)
59. *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy.* Vol. 1: *Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek.* Pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk; przy współpr. U. Jemialianczuka i A. Macuka. Warszawa, DiG, 2004. 764 p. (In Polish)
60. *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy.* *Województwo Trockie XIV–XVIII wiek.* Pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk, A. Haratym; przy współpr. A. Macuka i J. Aniszcanki. Warszawa, DiG, 2009. 687 p. (In Polish)

Acknowledgments

I would like to express my gratitude to the programs “Thesaurus Poloniae” (Międzynarodowe centrum kultury, 2012) and “Artes liberales” (Uniwersytet Warszawski, 2016) whose support was crucial for research travels to Poland. I am also thankful for remarks and corrections in the article to Alexander Vinogradov, Hieronim Grala, Alexander Kazakou, Vladimir Katz, Sergey Kisterev, Gediminas Lesmaitis, Karol Mazur, Maxim Moiseev, Janusz Nowak, Sergey Polekhov, Anastasiya Skepian, Natalia Slizh, Natalia Starchenko, Sergey Shokarev, Marek Janicki, Marian Jaskuła, Sergey Kashtanov and to all the participants of the latter’s seminar in the RSUH.

About the author: Konstantin Yu. Erusalimskiy – Dr. Sci. (History), Docent, Professor at the Chair for history and theory of culture at the Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya pl., Moscow 125993, Russian Federation.). E-mail: keralsimski@mail.ru

*Received July 7, 2017 Accepted for publication November 24, 2017
Published December 29, 2017*